

ВЛАДИМИР ВЛАДЫКИН

ЮЛИЯ

Владимир Владыкин

Юлия

«Издательские решения»

Владыкин В. А.

Юлия / В. А. Владыкин — «Издательские решения»,

Для творчества В. А. Владыкина характерно правдивое отражение действительности. Роман «Юлия» — о судьбах воспитанников детдома, о трудной жизни и трагической любви главной героини. Содержание романа основано на фактическом материале. В своё время его не приняли к изданию из-за расхождения с требованиями соцреализма. Роман остаётся актуальным и сегодня поднятыми в нём нравственными, этическими и социальными проблемами, с которыми сталкиваются герои волнующего произведения.

© Владыкин В. А.

© Издательские решения

Содержание

Часть первая	7
Глава первая	7
Глава вторая	14
Глава третья	20
Глава четвёртая	24
Глава пятая	26
Глава шестая	33
Глава седьмая	36
Глава восьмая	39
Глава девятая	46
Глава десятая	49
Глава одиннадцатая	53
Глава двенадцатая	57
Глава тринадцатая	60
Глава четырнадцатая	65
Конец ознакомительного фрагмента.	67

Юлия

Роман в трёх частях

Владимир Владыкин

Книга, которая учит любить и сопереживать

© Владимир Владыкин, 2016

© Михаил Александрович Синицин, дизайн обложки, 2016

Редактор Надежда Андреевна Денисова

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Я работал учителем, директором школы, являюсь депутатом областной Думы трёх созывов. До сих пор мне не приходилось выступать в роли рецензента художественного произведения. Опыт читателя, конечно, у меня большой, но дать оценку непросто ещё не изданной книге, которая, надеюсь, ею станет, так как рукописный вариант меня, как читателя, привлёк с первых страниц. Одно название «Юлия» начинает интересовать: какую же судьбу автор изображает, какая женщина заслуживает того, чтобы вынести её имя в заголовок? Мы немало знаем книг, названных именами женщин, и всегда, как правило, это неординарные личности, способные на большую любовь и т. д.

Не буду томить читателей и скажу: книгу, которую, полагаю, вы уже держите в руках, могут читать как взрослые, так и подростки. Конечно, содержание большого романа В.А.Владыкина пересказать в двух словах невозможно. Это драматическая и вместе с тем трагическая история жизни и любви юной девушки. Её судьба прослеживается автором со дня её рождения и до зрелых лет со всеми ее приобретениями и потерями. Перед читателем проходит почти вся её жизнь в самых сложных коллизиях и перипетиях. Многие страницы читаются на одном дыхании, правда, некоторые эпизоды, на мой взгляд, несколько затянуты, но сами по себе они несут дополнительную смысловую нагрузку. Мне было интересно знакомиться с жизнью Юли, воспитанницы детдома, заставляющей читателя сопереживать ей, прошедшей через суровую полосу испытаний действительностью, борясь за право быть полноценным членом общества. Сталкиваясь со злом, иногда проигрывая темным силам, тем не менее, сумев сохранить в себе всё светлое и чистое, что вынесла из стен детдома и пронесла дальше по своей нелегкой жизни...

О детдомовцах написано не так уж и много книг, которые можно перечислить на пальцах. Всерьёз считаю, что роман В.А.Владыкина «Юлия» смог бы вполне заинтересовать, причём не навязчиво, и самих воспитанников детдома, а также сыграть позитивную роль в нравственном воспитании подрастающего поколения. Особенно в наши дни, когда такие понятия как честь, достоинство, не то чтобы не имеют значения для отдельной части молодёжи, а в какой-то мере размыты и обесценены до такой степени, что молодые люди теряют нравственные ориентиры, когда читают низкопробную литературу, которой перенасыщен книжный рынок. А вот для героини рассматриваемого романа эти качества характера являются стержневыми: читатель знакомится с ней с младенческого возраста. И с первых страниц у читателя возникают вопросы: почему эта симпатичная девочка попала в детдом, кто её родители? Но автор не спешит посвящать читателя в её судьбу, так как повествование в авторской передаче ведётся попеременно и от лица Юли, и от её сестры Валентины, и от других персонажей. И в этом, в общем-то, традиционном приеме заключено стремление автора поддерживать интерес читателя к главной героине. Хотя для автора не последнюю роль играет и такой литературный приём, как активизация изображаемых в романе героев и событий. Прослеживается три периода разви-

тия человека, что также в литературе встречается нечасто. На примере этой девочки, девушки, женщины нашей молодёжи можно учиться тому, как важно хранить честь смолоду, поскольку с юных лет необходимо воспитывать в себе цельную личность, которая перед всеми невзгодами жизни всегда способна устоять и морально закалиться.

На мой взгляд, автор правдиво отразил и атмосферу детдома, и духовный мир героини, и её психологию. Роман, написанный много лет назад, и в наши дни не утратил своей актуальности, так как настоящие духовные ценности сами по себе никогда не устаревают. Сегодня мало книг отечественных авторов, показывающих романтически возвышенную любовь. А что, как не любовь, способно облагораживать людей. К сожалению, современная молодёжь почти не имеет верного понятия о любви, которую подчас путают или сравнивают с сексом. Засилье порнографии и в кино, и в литературе отрицательно сказывается на нравственном, эстетическом становлении юного поколения. Не каждый молодой человек может разобраться в себе, в своих чувствах; и этому способны научить только положительные примеры. Когда нет настоящих книг, правдиво рисующих современную жизнь, помогающих выстоять перед превратностями судьбы, молодые люди легче всего поддаются дурным влияниям улицы.

Полагаю, что роман «Юлия» не оставит равнодушными даже самые закалённые жизнью сердца. Книга написана на фактическом материале. Многие сцены почти не выдуманы автором: недаром жанровое определение заявлено как жизнеописание. Героиня вовсе не собирательный образ, действующий в типических обстоятельствах, а вполне реально существующий прототип. Все поступки Юли вытекают из её непростого характера; детдомовское прошлое неотделимо от неё, осталось с ней на всю жизнь. Воспитанники детдомов душевно ранимы, не миновала этой участи и Юля, но она с честью проходит через все испытания, выпавшие на её нелёгкую долю...

Роман, думаю, будет интересен юношам и девушкам, вступающим в жизнь...

В.А.Кравченко.

Часть первая

Глава первая

В конце мая в один из тёплых, солнечных дней 1958 года Валентина Туземцева неторопливо шла по тихой улице южного города Новостроевска. Вдоль тротуара росли белые акации, которые сейчас буйно цвели. Валентина неожиданно убавила шаг и загляделась на старое высокое дерево. Её толстый ствол на высоте трёх-четырёх метров от земли делился на два и от них, изгибаясь, тянулись в разные стороны ветки с небольшими овальными листочками, образуя вверху как бы пятнистый маскировочный зелёный шатёр. Среди нежной листвы, словно выдавленным через решето топлёным маслом, свисали гроздья цветов. Их сильный душистый аромат радовал и отвлекал Валентину от тех волнений, которые в последние дни отнимали у неё все душевные силы...

Примерно неделю назад во сне она увидела трёхлетнюю черноволосую девочку, которая бежала за ней, но так и не догнала её. Теперь она понимала, что надо было бы остановиться; но во сне Валентина безучастно шагала своей дорогой и не обращала внимания на бегущую за ней следом девочку. И только когда проснулась Валентина догадалась, что это видение ниспослано ей Всевышним неспроста.

Чуть больше года назад она пыталась найти девочку, но поиски закончились ничем, и она быстро к ним остыла. Впрочем, о потерянной сестрёнке Валентина никогда не забывала, просто хлопоты о своей семье забирали много времени. И вот этот сон, который она всерьёз восприняла как вещий, перевернул всю её душу, что она даже поклялась приступить серьёзно к поиску девочки, но какие-то дела всё равно мешали исполнить данное себе обещание.

Итак, в упомянутый день Валентине было суждено идти по улице, по которой она уже и не помнила, когда в последний раз ходила. А ведь на ней стоял детдом – двухэтажное здание, обшитое досками и выкрашенное в зелёный цвет. Но на вывески она без надобности вообще не смотрела. И вот сейчас Валентина залюбовалась белой акацией, стоявшей как раз невдалеке от входа в детдом, как неким дивом, и с наслаждением вдыхала аромат её пышных цветов.

Позже ей казалось, будто какая-то неведомая сила заставила приглядеться именно к этой, а не к какой-либо другой акации. И случайно брошенный ею взгляд во двор детдома выхватил из группки детворы светлолицую хорошенькую черноволосую девочку. Валентина в оторопи замерла на месте, почувствовав в груди сильные удары сердца, отчего все уличные звуки и шумы как бы враз отключились; внутри себя она услышала, точно чей-то посторонний, пробуждающий рассудок голос: «Да ты смотри, смотри, это же она!» Молодая женщина, быстро покопалась в сумочке, достала фотографию, которую после увиденного сна всегда носила с собой. Удостоверившись, что она, наконец, нашла Юлю, Валентина решительно вошла во двор. Почему-то раньше она не догадывалась обратиться сюда. А всё потому, что думала – её здесь просто не могло быть, так как девочку отдали в детдом в городе Шахты, где примерно год назад ей ответили, что Юлю перевели в областной центр, куда ездила уже в пустой след. Там ей толком ничего не объяснили или не поверили, что она искала именно свою сестру.

И вот, наконец, в Новостроевске, в котором жила уже несколько лет, ей улыбнулась удача, словно судьба сжалась над ней.

Директором детдома была молодая на вид женщина средних лет Тамара Игнатьевна Пустовалова с густыми рыжеватыми волосами, уложенными пышной причёской. Она только что пришла в свой кабинет после закончившегося собрания воспитателей, и в это время в дверь осторожно постучали. Тамара Игнатьевна, полагая, что, должно быть, к ней просится

кто-то из воспитанников, ласковым тоном разрешила войти. Но она увидела молодую женщину. Директор с повышенным интересом созерцала посетительницу. На ней было сиреневого цвета повседневное платье; в руке чёрная кожаная сумочка; волнистые тёмно-русые волосы на затылке подобраны в пучок. Лицо широкое: выпуклые круглые щёки, серые глаза, слегка курносый нос, припухлые маленькие губы.

Валентина, не зная с чего начать разговор, быстро достала из сумочки фотографию маленькой девочки лет трёх, подала её директору и сказала, что это её родная сестра по матери. И очень волнуясь, вкратце поведала, как через шесть лет после окончания войны родилась Юлия, отца которой она не видела, как мать, умирая, просила её, Валентину, не бросать дочь на произвол судьбы. Но из-за тяжёлых семейных обстоятельств своего слова не сдержала. В сознании Валентины промелькнуло полуголодное военное детство, жизнь в общежитии техникума на скудную студенческую стипендию. От жалости к себе у неё на глазах выступили слёзы. Она виновато опустила голову и облегчённо вздохнула.

– А мы-то думали, что девочка круглая сирота. В её деле, кроме родителей, ни о ком не говорится, – пояснила Тамара Игнатьевна, и, сделав паузу, ещё раз внимательно посмотрела на Валентину, и следом спросила, нажимая степенно на каждое слово: – Теперь, когда вы нашли сестру, что вы собираетесь делать? Поймите правильно, для нас этот вопрос отнюдь не праздный, как и ваше, я вижу, посещение тоже? – она как-то сосредоточенно наклонилась над своим рабочим столом, пытливо глядя на посетительницу.

– Поверьте, Юлю я искала в другом городе, в Ростове была... А тут иду и такое везение: я случайно увидела её во дворе. Я, конечно, всё понимаю, вы правы, сначала я должна посоветоваться с мужем, – Валентина старалась говорить ровно и не волноваться. Однако изучающий взгляд Тамары Игнатьевны несколько отвлекал женщину, и она сбивалась с мысли, испытывая какую-то свою безотчётную вину: – Вы извините, что я так поздно к вам обратилась. Мне можно на первых порах хотя бы изредка её навещать? – видя, что Валентине больше нечего сказать, Тамара Игнатьевна с внутренним возмущением покачала головой:

– Вы считаете, увидев девочку случайно, вам вполне достаточно принять в её пользу единственно верное решение, даже ещё не посоветовавшись с мужем? По вас, извините, я пока не вижу, что вы так сильно обеспокоены её судьбой. Я понимаю: учились, вышли замуж и вдруг вспомнили, что у вас есть сестра... а дальше?

Директор смотрела проницательно; от её взгляда Валентина совсем растерялась, не зная, что ответить, и пожалела о своих необдуманно вырвавшихся словах, когда минуту назад сказала, что посоветуется с мужем. По жёсткому тону Тамары Игнатьевны она без труда поняла, что директор, видно, ждала от неё вполне обдуманного решения, мол, обязательно возьмёт Юлю к себе. Но к такому ответу Валентина была пока не готова и сказала:

– Я обещаю, что буду приходить к ней часто, а когда договорюсь с мужем...

– А если он не даст вам согласия, скоро перестанете навещать, привыкнете к мысли, что сестра присмотрена. Вам может показаться, что я жестока и несправедлива к вам. Но это обманчивое впечатление. Видите ли, у нас есть дети, от которых отказались то ли родственники, то ли непутёвые мамочки: вот они после долгого отсутствия вдруг объявятся – пообещают им приходить, а сами вскоре про них забывают и больше не приходят, а ведь дети их ждут, а не дождавшись, начинают убегать на их поиски... У Юли же совсем другая ситуация: о своих родителях она абсолютно ничего не знает. У нас она уже почти три года. Поначалу мы не могли от неё добиться ни слова: такая была стеснительная, молчаливая. Так что, прежде чем принять решение, подумайте хорошо, – сказала назидательно директор.

– Да, да, мне всё понятно, – быстро согласилась Валентина. – А что, разве нельзя девочку приучать понемногу к тому, что у неё нашлась сестра? – удивлённо протянула она.

– Простите, предположим, я это объясню ей, а дальше что? – почти раздражённо спросила Тамара Игнатьевна, осуждающе поглядев на Валентину. Но потом вдруг встала из-за

стола, быстро прошлась по кабинету, непроизвольно взглянула на портрет Макаренко, висевший высоко на стене напротив стола, словно он должен был подсказать ей верное решение, dokonчила мысль: – Дрессировать можно только собак и кошек, а приучать детей к чему-то несбыточному – опасно...

– Ой, извините, – Валентина тоже поднялась, – а что же тогда делать, выход-то должен быть? Посоветуйте. – Растерянно попросила она, не находя больше подходящих слов. Ведь не могла же она прямо заявить, что завтра же непременно заберёт девочку к себе. Уже и без того директор, наверное, считает, что вот она нашла сестру, а сама и не думает забирать её из детдома.

– Ну, что я вам могу посоветовать? – в досаде произнесла Тамара Игнатьевна. – За вас я не могу решать – поговорите с мужем, если он поймёт вас, приходите! Но знаете: просто так мы не разрешаем вам являться и напрасно бередить душу ребёнка! Я уже говорила, что у нас дети самых разных судеб: у кого-то родители лишены своих прав, у кого-то по болезни не в состоянии содержать. В редких случаях мы разрешаем и навещать, и брать детей домой. Но у Юли совершенно никого нет, о чём она знает, и вдруг вот вы! Вдумайтесь: какое чувство предстоит ей пережить в связи с вашим появлением? – она жалостливо посмотрела.

– Да не может того быть. Мне наоборот кажется, что сестре она обрадуется! – несколько удивлённо и робко возразила Валентина, испытывая при этом глубокое чувство стыда и унижения оттого, что ей дают понять: с такими незрелыми рассуждениями, тут ей больше нечего делать.

– Нет, я вам повторяю – девочка испытает сильное смятение, быть может, потрясение, полное недоумения: почему, зачем её бросили? И потом вас же будет упрекать в том, что вы так долго к ней не появлялись. Ведь они всегда кого-то ждут, надеются, что кто-то опомнится и придёт за ними или просто чужие люди удочерят или усыновят. Но такие чудеса в их жизни бывают крайне редко...

– Извините, конечно, вы правы, тогда я пойду, – Валентина уже пошла к выходу, но у самой двери Тамара Игнатьевна, сочувствуя в душе этой женщине, остановила её:

– Постойте, дети у вас хоть есть? – протяжно спросила она.

– Конечно, у меня дочка, ей скоро два годика. А что? – несколько удивлённо протянула Валентина, и в её оживившихся серых глазах блеснула надежда.

– Хорошо, я постараюсь подготовить Юлю, а потом приглашу вас. Оставьте свой адрес или телефон.

– Спасибо, вы очень чуткий и добрый человек! – в приподнятом настроении поблагодарила Валентина, назвав свой рабочий телефон.

Когда она обратно проходила через просторный, мощённый булыжником детдомовский двор, опять увидела Юлю среди многочисленной детворы. Забыв предупреждение директора, она подозвала к себе девочку. Юля с робкой пытливостью взглянула на незнакомую тетю и растерялась, не зная, нужно ли к ней подходить. Раньше у девочки появлялось желание, чтобы вот так же кто-то заинтересовался ею. Подойти к чужой тётке при своих детдомовцах совсем нестрашно. При всём при том, ей стало очень интересно: что же она скажет? И Юля неожиданно для себя отважилась к ней приблизиться. Детдомовцы с завистью взирали на свою подружку, предчувствуя, что в её судьбе на их глазах происходит нечто очень важное.

– Как тебя зовут? – как можно ласковей спросила Валентина. Девочка стеснительно смотрела на молодую женщину, с большим любопытством рассматривала её платье, туфли, сумочку.

– Меня зовут Юля Заулкалова! – она старалась произнести каждое слово чётко, но фамилию назвала не совсем верно, и от этого смутилась.

– Тебе здесь нравится, ты не скучаешь?

Юля несмело покачала головой, продолжая с интересом взирать на женщину. Ведь до этого дня из посторонних людей с ней никто так не разговаривал.

– А ты хочешь, чтобы я к тебе приходила? – спросила Валентина, пристально глядя на девочку.

Юля растерялась, испытывая душевную борьбу; она не знала, как отнестись к предложению незнакомой женщины, так как вспомнила наказ Тамары Игнатьевны, которая всегда предостерегала детей, чтобы в любой ситуации с посторонними людьми не вступали в разговор.

– Ну, что ты молчишь? Гостинцы буду приносить, – и тут она быстро достала из сумочки кулёк конфет, который, словно для этого случая, прихватила с кондитерской фабрики, и подала Юле. Девочка несколько боязливо приняла гостинец, поглядывая осторожно на женщину как бы убеждаясь: не передумает ли она?

Валентина наклонилась к ней, поцеловала в обе щёчки и тут же попрощалась, не забыв известить, что она зайдёт ещё и завтра. И скорым шагом вдруг пошла, потом, обернувшись на ходу, помахала рукой.

Какое-то время в некотором недоумении Юля продолжала стоять на месте и смотрела вслед удаляющейся женщины, даже не замечая своих подружек, обступивших её, Юлю, прижимающую к худенькому тельцу гостинец...

С этого момента девочка стала думать о ней и с нетерпением ждала её на следующий день, который даже за играми с подружками тянулся так нестерпимо долго, что казалось, он никогда для неё не закончится. Юля инстинктивно без конца поглядывала на ворота. И когда, наконец, увидела входившую во двор детдома уже знакомую женщину, она было побежала к ней навстречу. Но вскоре перешла на шаг, так как на виду у детей стеснялась выдать нахлынувшую радость. И еле сдерживала душевный порыв обнять такую хорошую чужую тётю в красивом сиреновом платье, и даже появлялось желание назвать её мамой, чтобы она увела её с собой и больше никогда бы в детдом не приводила... Конечно, это был её, возможно, сиюминутный порыв, возникший под влиянием тех редких случаев, когда детей забирали из детдома приёжные родители. Ведь в действительности вне стен детдома она не представляла своей, а тем более другой жизни...

На этот раз молодая женщина не пошла в глубь двора. Она остановилась под старым тополем и украдкой поманила к себе девочку. Валентина и на этот раз принесла Юле конфет и пяток краснобоких яблок, отливавших изумительным гляncем. Они и на это раз поговорили совсем недолго, а девочка очень жалела, что тётя так быстро спешила уйти. На прощанье Валентина призналась, что она ей очень понравилась и мечтает с ней подружиться. И почему-то ушла, а девочке вдруг стало так тоскливо, что даже хотелось расплакаться. Но подружки, видя, что она расстроилась, наперебой успокаивали, втянув вновь в игру, и Юля понемногу отвлеклась от своих грустных мыслей...

Тамара Игнатьевна действительно оказалась права, когда предупреждала Валентину, что необдуманные, ничего не значащие посещения девочки ни к чему хорошему не приведут. Вот и получилось, что, став навещать Юлю, сама того не желая, она нагнала в душу ребёнка смятение, пока ничего ей больше не обещая.

Всякий раз, как только Валентина уходила от неё восвояси, Юля беспокойно думала: «Кто эта тётя? Почему она ничего мне не объясняет? – размышляла она про себя. – А только приносит гостинцы да расспрашивает, как я тут живу, и если кто-то из воспитателей показывается во дворе, она быстро исчезает». А Юле так хотелось, чтобы тетя подольше оставалась с ней: зачем она наказывала слушаться воспитателей и не баловаться, будто она сама этого не знает. А вот нарочно она будет шкодить наперекор её словам. И никого не станет слушаться, начнёт безумно прыгать и озорничать. И никто её не остановит, не укажут до тех пор, пока тетя не осмелится увезти её отсюда! А если бы увезла, то Юля только бы одну её и слушала.

И стала бы дома самой верной помощницей. Ведь она умеет мыть посуду, хорошо накрывать стол, убирать в комнате, да и стирать уже пробовала.

Здесь её учат всему: и петь, и рисовать, и буквы писать. А Тамара Игнатьевна так замечательно поет и так превосходно играет на пианино, что заслушаешься. Как-то она сказала, что у неё, Юли, есть музыкальный слух и когда-нибудь она будет хорошо петь. И даже обещала научить её играть на пианино. Словом, Юле захотелось спеть приходившей к ней тётке, чтобы она не сомневалась на тот счёт, нужно ли её, Юлю, забрать в свою семью. Почему-то других детей иногда забирают взрослые, а чем хуже она... «В другой раз, когда она придёт, – размышляла девочка перед сном, – я сама начну у неё выпытывать всё; довольно ей расспрашивать меня, а то я ничего о ней не знаю. Вот возьму и спрошу: есть ли у неё такая же девочка, как я, а если нету, тогда я стану ей дочкой, неужели она не согласится, или так трудно это исполнить, тогда зачем ко мне ходить и тревожить своими хождениями? Меня жалеть не надо, я хочу, чтобы меня любили. И гостинцев больше не приму, если она не возьмёт меня к себе домой. Ах, как мне хочется быть дочкой, но вовсе не воспитанницей, разве так трудно ей об этом догадаться, а ещё называется взрослая?!»

В последние майские дни ярко светило солнце, которое уже довольно сильно припекало, а Валентина трудно переносила жару, стараясь ходить не по солнечной стороне улицы. Она думала о муже Семёне без настроения, так как он был раздражён с того дня, как она нашла Юлю. Хотя Валентина всё ещё надеялась, что Семён поймёт её, и сестра станет с ними жить. Впрочем, она не теряла такой надежды. И вот однажды она смело, ни от кого не таясь, вошла во двор детского дома. Теперь незачем было украдкой посещать девочку. Недавно она переговорила по телефону с Тамарой Игнатьевной, которая подготовила Юлю к тому, что у неё нашлась сестра. В послеобеденный час весь двор заливало яркое солнце, и детей тут никого не было. На этот раз Валентина даже жару не ощущала, её мысли сосредоточились на Юле: как она восприняла известие, что у неё нашлась сестра? Директор говорила, что она думает, будто всегда жила в детдоме, что родители бывают только у домашних детей, о чем Юля сама интересовалась у неё однажды. И Тамара Игнатьевна в этом ее отнюдь не переубеждала...

Юля увидела Валентину из окна комнаты для занятий по рукоделию. Не помня себя, она помчалась по коридору, и только при выходе ноги вдруг сами остановились. Юля стояла в самом проёме двери, упираясь ручонками в створку одной половины дверей. И от подступившего к сердцу страха она не решалась спрыгнуть с высокого порога. При этом Юля вся замерла, как перед прыжком в холодную воду реки, ведь ей открылось, что эта женщина не просто чужая тётя, а её сестра, как ласково и толково объяснила ей Тамара Игнатьевна. И с того дня она теперь с трудом верила, что у неё так неожиданно отыскалась красивая и взрослая сестра! Хотя она уже знала, что у детей вдруг могли объявиться родные, которые, однако, не всегда забирали их к себе на воспитание, а если некоторые брали, то очень грубо обращались с ними, и тогда дети от сородичей или усыновителей убегали в детдом. Лишь за небольшим исключением всё-таки находились счастливчики, и они назад не возвращались, что у остальных детей вызывало зависть. Одним словом, Юля давно мечтала, чтобы и у неё кто-нибудь из родственников непременно отыскался и стал бы любить её. Она ни за что не убежит, станет хорошо себя вести, и тогда её незачем будет ругать. И вот, как в сказке, её мечта сбылась: у неё нашлась сестра, но при этом вдруг возникло затруднение. Ведь она представляла, как назовёт тетю мамой, когда станет её дочкой! Правда, её одолевали сомнения, дескать, сестра должна быть маленькой, как она, Юля, а эта уже совсем взрослая...

Валентина сама подошла к стоявшей на высоком пороге Юле, и с интересом взиравшей на неё, как бы говоря: «Ты, правда, моя сестра?» Но затем в глазах мелькнуло сожаление: «А лучше бы ты была моей мамой, как было бы здорово, если бы ты передумала быть моей сестрой». У нее чёрные волосы посередине расчёсаны на пробор; большие сине-голубые глаза; широкие брови близко подходили к переносице и почти соединялись над ней, напоминая летя-

щую птицу. Валентина заметила, что девочка теперь смотрела почему-то хмуро, как-то насто-роженно в душевной борьбе поблескивали её выразительные глаза, словно была ей уже не рада. Просто неожиданно Юля вспомнила, что у неё не могло быть матери, а тогда откуда взялась сестра?

– Ну, как, моя милая, ты уже ждёшь меня? – ласково обратилась Валентина, стараясь развеселить Юлю и наклонилась, быстро чмокнув её в щёчку.

– Я теперь вас всегда жду! – чётко выговорила девочка, глядя пытливо на Валентину, у которой от её взгляда невольно дрогнуло сердце и защемило пронзительной болью, при этом она старалась улыбаться искренне. На Юле было полувылинявшее ситцевое платище, едва прикрывавшее коленочки. Жалко было смотреть на тонкие ручки и худенькое тельце девочки. И, быть может, впервые Валентина пожалела, что раньше не искала сестру настойчиво, и не могла простить себе этого. А теперь нелегко будет объяснить девочке, когда она об этом неминуемо спросит. И, невольно озадаченная догадкой, Валентина заметно растерялась: как повести себя дальше, чтобы оттянуть возникшую сложную ситуацию? Ведь и в своём забубённом муже Семёне она была не уверена, что тот согласится принять к себе девочку...

Для начала разговора Валентина взялась доставать из сумочки гостинцы, которыми Юля всегда делилась со своими подружками. Она успела вытащить только один кулек конфет, и было принялась вынимать второй с пряниками, как девочка резко вытолкнула из сумочки её руку.

– А вот и не надо больше, вы, наверно, гостинцы покупаете своей дочке, а приносите мне, – с мольбой тонким голоском произнесла Юля, – что она скажет вам на это, когда узнает?

– Что ты, милая! – Валентина в первые секунды опешила, рука так и застыла на месте: «Кто мог ей сказать это, неужто директорша?» – закралось подозрение. Валентина быстро справилась с минутным смятением, мягко, доверительно улыбнулась, вынула из сумочки оба кулька и подала их Юле.

– Бери, бери, это только тебе! – однако, словно испугавшись, Юля мгновенно завела руку за спину и покачивала чернявой головкой: «Нет, как хотите, от вас я этот подарок не приму!» – говорили женщине детские глаза.

– Что же ты такая упрямая, не обижай меня, пожалуйста! Ну, бери, бери же, – чуть расширив глаза, уговаривала Валентина.

– Я хочу... чтобы вы... мне ответили, – она, как взрослая, готовая уличить её в обмане, не сводила с женщины вопросительного взгляда.

– И что же ты хочешь узнать? Я тебя внимательно слушаю! – Валентине и самой не терпелось рассказать то, чего пока Юле еще неизвестно.

– Да! – отчеканила между тем девочка. – Да, мне сказали, что вы моя сестра, – и пытливо смотрела на нее.

– Тебе странно, что у тебя нашлась сестра? – удивленно спросила она, хотя про себя подумала: «Ой, какой я вздор несу!»

– Я не знаю... ваши гостинцы я не возьму, пока вы мне не признаетесь... – сбивчиво, заметно волнуясь, однако, вымолвила упрямо девочка; ее брови несколько изогнулись, она даже напряглась.

Видя, что Юля хочет узнать правду, Валентина, переведя дыхание, поспешила ей на выручку, чтобы только не томить Юлю.

– Видишь, дорогая моя, как всё непросто вышло... я сама тебе собиралась всё объяснить, но ты должна была сначала ко мне привыкнуть.

– И всё равно бы ничего не рассказали! – не желая при ней распустить нюни, она обронила это хотя и твёрдо, но чуть ли не плача, моргая длинными ресницами.

– Это почему же? – Валентина удивленно приподняв плечи, даже чуть подалась назад, глядя повлажневшими глазами.

– А потому... вам меня просто жалко и всё! – сказала она резко. – Думаете, я не слыхала, как Тамара Игнатьевна кому-то в телефон жаловалась: дома надо своих воспитывать деток, а на работе от чужих устаёшь, что никаких сил на своих не остаётся...

Валентина застыла с открытым ртом, так как своими суждениями Юля вконец загнала Валентину в тупик: «Ничего не скажешь, какая умная девочка, вот попробуй, объясни такой, что ты думаешь не так, она и не поверит!»

– Юленька, ты зря так говоришь! – начала она. – Ведь я правда твоя сестра. Тамара Игнатьевна тебе же всё объяснила, она любит тебя, как свою дочь и для неё вы все вовсе не чужие.

Однако Юля снова, как и в кабинете директорши после её сообщения, что у неё нашлась сестра, широко раскрыла глаза, смерила недоверчиво Валентину, дескать, почему, если ты сестра (Юля в душе уже перешла на «ты»), так долго ко мне не приходила? А почему ты в таком нарядном платье и туфли носишь на высоком каблуке? Да разве у маленькой девочки бывает такая большая сестра? И Юля при этом медленно-медленно отрицательно покачала головой, дескать, меня вы не обманете. Валентина догадалась, что Юля почему-то не верит не только ей, но и директору. Надо как-то переубедить девочку, развеять все её сомнения.

– Почему нам с директором ты не веришь? – спросила Валентина, пытаясь проникнуть в её тайные мысли.

До сознания Юли и впрямь ещё не доходило, почему она её сестра, тогда как ей просто хотелось иметь маму. Это чудное слово Юля иногда произносила про себя, отчего на душе сразу теплело и порой делалось вдруг тоскливо оттого, что она в полной мере ещё не испытала этого необыкновенного чувства.

– А я знаю, о чём ты собираешься говорить, – улыбнувшись, искательно сказала Валентина, но девочку это нисколько не расшевелило. Она упорно молчала, потупив глаза. – Так ты, значит, со мной не желаешь разговаривать? Ну, если сама отказываешься от моих гостинцев, я прошу угостить других детей. И, конечно, возьми себе немного...

Маленькая хитрость Валентине, кажется, удалась. Юля приняла гостинцы, стеснительно поблагодарила. Она немного расслабилась, как-то выжидательно, глядя на сестру.

– Ты называй меня просто Вале́й, ведь я правда твоя сестра, – и она в неподдельно трогательном порыве обняла и расцеловала Юлю. – В следующее воскресенье я повезу тебя к нам домой: посмотришь, как мы живём.

– А ты с кем живёшь? – живо спросила Юля.

В этот момент из дверей другого подъезда показалась представительная женщина в очках. На её неполной красивой фигуре, подчеркивая все её линии, превосходно сидело однотонное светло-коричневое платье.

– Так вот ты где! Юленька, надо предупреждать, когда уходишь, – подойдя сказала Тамара Игнатьевна чуть строго и наставительно.

– Здравствуйте, вы извините ради бога, это она из-за меня, – ответила Валентина.

Тамара Игнатьевна тоже поздоровалась, и все трое не знали, о чём говорить дальше. Юля, слегка сощури́в глаза, приподняв головку, внимательно следила за обеими женщинами.

– Нам ещё надо будет обсудить один вопрос, – тихо сказала директор, украдкой поглядев на Юлю, и погладив её по головке.

– Сейчас? – почти шёпотом переспросила Валентина.

– Подойдёте, как только освободитесь, – и она, посмотрев на Юлю, вежливо удалилась...

Глава вторая

Валентина обещала Юле приехать к ней через шесть дней. Как раз подойдёт выходной и с разрешения директора сестра повезёт её к себе домой. Юлия с нетерпением ждала этого заветного дня и всё ещё не верила, что ей представится возможность побыть в гостях у Вали и увидеть своими глазами, как живет её взрослая сестра. До этого она глубоко ещё не задумывалась о том, что люди могут жить там, где им заблагорассудится, и захотят делать всё, что им пожелается; она для себя не представляла жизни вне стен детского дома. А если дети живут в одном доме с родителями, то значит это так надо; так давно заведено, видать, на свете всё существуют по-разному. К тому же она ещё смутно, но уже догадывалась, что и у неё тоже должны бы быть родители. Хотя подсознательно, не отдавая себе в этом отчёта, она подразделяла детей на две группы: одни живут с родителями, вторые – воспитанники детдома.

И такое деление на домашних и детдомовских повелось издавна, поэтому она ещё пока серьёзно не задавалась вопросом: кто были её родители и куда потом они делись? И потому на первых порах Юле показалось появление сестры как бы нереальным. Ведь она же детдомовская и у неё не могло быть никакой сестры, которые бывают только у домашних детей. Это представление в её сознании так трудно было разрушить, что лишь спустя какое-то время Валентина убедила девочку, что она действительно её родная сестра. И когда Юлия понемногу стала признавать Валентину, с этого момента в её сознании происходило трудное, полное противоречий, переосмысление открывшихся с появлением сестры обстоятельств. Ведь Юле всё ещё не верилось, что и она могла бы жить, как и все домашние дети; только когда-то в её судьбе, наверное, произошло что-то страшное; и в результате она осталась без родителей, а сестра всё это время искала её и вот, наконец, нашла. И теперь была несказанно довольна, что у неё так неожиданно отыскалась взрослая сестра, что существенно возвышало ее в глазах остальных таких же, как она, девочек и мальчиков детдома.

С того дня Юлия охотно делилась своей радостью со всеми. Правда, одни дети ей верили, тогда как другие продолжали сомневаться в том, что у неё нашлась родная сестра: не было, не было и вдруг нашлась? Однако скоро завзятые скептики в этом сами убедились, когда для Юли наступил долгожданный день, и Валентина приехала за ней, чтобы увезти её домой...

Обступив со всех сторон Юлю, детдомовцы с любопытством провожали её до самых ворот, как она вот сейчас с сестрой выйдет из двора, и пойдёт по мощеному плиткой тротуару. И в группе сопровождавших детей кто-то даже плакал, что вот, дескать, как повезло Юльке...

Валентина жила с мужем Семёном и полуторагодовалой дочерью в двухэтажном коммунальном доме, почти на северной окраине города. У Семёна были небольшие серые глаза, которые почему-то постоянно выражали злость, даже когда он вовсе не сердился. Под его кустистыми рыжеватыми бровями как будто действительно пряталось нечто коварное и злое. Причём он довольно редко улыбался. Когда Юлия увидела его, она тотчас же спряталась за Валентину, боясь даже пошевелиться. Семён держал на руках дочурку и грубоватым голосом, без нотки ласки, что-то ей мурлыкал, неторопливо расхаживая по комнате в одной майке и шароварах. Юлия, конечно, сообразила, что девочка – дочка сестры. Это открытие, как ни странно, её немного огорчило и даже разочаровало...

– А, наконец-то приехала, как мы заждались: нет нашей мамки, думали, где-то пропала! – быстро проговорил мужчина, сверкнув недобро глазами в сторону Юли.

– Да уж, так и пропала. Разве долго была? – как можно мягче спросила Валентина. Девочка на руках отца, увидев вошедших, нетерпеливо запрыгала, вытянув к матери ручки.

– Долго-недолго, а сама, поди, знаешь – мне в ночную, толком не отдохнул. Она всё по тебе хнычет и хнычет. А ты эту... в няньки ей привела? – спросил он насмешливо, глянув жёстко на Юлю, спрятавшуюся за жену, что слегка неприятно задело его самолюбие: «Ишь,

ты, как коза дикая...». И действительно, его взгляд был настолько тяжёл и нелюдим, что поколебил бы любого.

– Ты бы, Сёма, оделся. Да, я привела, как и говорила тебе, сестричку, – ответила Валентина, глядя на мужа почти подобоострастно и только ради того, чтобы хорошо относился к девочке. На миг она вспомнила, как в прошлый раз разговор между ними о Юле не получился, но сейчас, в присутствии сестры, возобновлять его не хотела.

– Так я же и талдычу: няньку на вечер себе обеспечила! Почему твоя сестрёнка-то сховавалась за тебя, что я на зверя похож? – недовольно заметил Семён.

– На себя ты похож, а ты, Юленька, правда, чего стоишь – проходи, что ты за меня держишься, кого ты боишься, мы тут все свои, – ласково говорила Валентина.

– Ну, довольно, – из-за ребёнка мне уже некогда! – отчеканил Семён. И с дерзкой пытливостью взглянув на жену, грубо бросил: – Тебе было сказано: на одну ночь и не больше. Ты мой уговор крепко помни, Валька, али должен напоминать? – и он обжёг утрашающим взглядом, ощерив рот с желтоватыми от курева зубами.

Валентина в свой черёд смерила Семёна брезгливым взором, мол, как он мог при девочке сказать такое. Она быстро подошла к мужу и тут же, не глядя на него, позвала ласково дочь:

– Иди, иди ко мне, моя маленькая, – а когда взяла дочурку, тем же тоном обратилась к Юле. – Прходи, моя милая, не стой в дверях; иди, сядь на диван, сейчас будем ужинать. Будем, моё золотце? – нежно спросила у дочки, рассматривая сияющими глазами её смеющееся личико с выглядывавшими первыми зубками. – Будем обязательно, а как же, сейчас, сейчас... Ты поиграй с Юлей, поиграй, а я ужин приготовлю...

И когда Семён пошёл к двери, выходявшей в общий коридор коммуналки, чтобы там покурить, Юля наконец-то несмело шагнула от порога, уступая хозяину дорогу. Как только за ним закрылась дверь, она пошла и села на диван с высокой спинкой, обтянутой ситцевым чехлом.

– Мама! – протянула девочка, глядя любопытно на Юлю, сидевшую, не шевелясь, на диване.

– Юля, это моя дочка, Светонька наша, – сказала Валентина, глядя на неё с нежной любовью, и, приглаживая на её головке светлые, льняные волосики, весело пояснила: – Доча, это Юля, в гости к нам приехала: для тебя она тётя.

– Моя тётя Юля? – крохотная девочка, произнеся это по слогам, отчего-то звонко засмеялась, словно всё ещё не веря тому, что услышала от мамы, которая, наверное, решила так пошутить.

– Доча, пока я приготовлю кушать, а ты поиграй с Юлей, – Валентина крепко чмокнула дочурку, спустила с рук на диван и обратилась к сестре: – Юля, поиграй пока с ней, хорошо? А я сейчас скоренько картошки поджарю.

Так впервые в жизни Юли наступило свободное время. Сейчас она даже забыла о детдоме, где каждый вечер, каждое утро в спальнях, коридорах, в комнатах игр и занятий большой семьи было всегда довольно шумно и весело. И вдруг впервые Юля испытала совершенно новое, непонятное чувство, похожее на сожаление при потере нечто самого дорогого. Когда Валентина вела её по вечерней улице к остановке, затем ехали в автобусе среди чужих людей, у Юли безотчётно замирало сердце оттого, что вот она едет куда-то в незнакомое место, отчего даже захотелось заплакать. Но еле сдержалась. К тому же от внезапно нахлынувшей тоски она чуть было не попросила Валю отвезти её обратно в детдом. А теперь все её необъяснимые страхи остались позади: она находится в гостях у сестры, и уже немного тут обвыкла...

В те годы квартира Туземцевых была меблирована весьма просто и небогато. Старый, изрядно потертый диван, с уже плохо различимым по ткани рисунком, доставшийся им, очевидно, от родных, уместился возле глухой стены. А напротив него заняла место железная кровать с никелированными спинками и горками подушек, и к ней приютился однодверный пла-

тяной шкаф, маслянисто поблескивавший красноватым и потемневшим от времени лаком. А на изрядно истёртом, давно некрашеном полу во всю длину комнаты растянулась рукодельная цветная дорожка. Круглый стол, стоявший посередине комнаты, обступали со всех сторон венские стулья, словно наклонившись, что-то высматривали под ним; детская люлька в углу, на стене радио в виде чёрной тарелки местного радиоузла. Всю эту обстановку, всё это убранство Юлия рассматривала с тем неизменно повышенным интересом, когда находишься в незнакомой квартире.

Со стен на неё смотрели фотографии в рамках; над кроватью живописный настенный ковёр изображал лесную поляну с оленями, ходившими вблизи речки. Света живо ползала по дивану, вставала, прислонялась к одутловатой мягкой спинке, проявляя к Юле чрезвычайный интерес, желая, чтобы и она обратила на неё такое же повышенное внимание. Но Юлия не знала, как и во что играть со Светой; здесь, в незнакомой среде, ей всё казалось не только чужим, но и враждебным, и от этого почему-то всё больше становилось как-то жутковато. А когда в комнату молча вошёл Семён, с разившим запахом табака и степенно прошёл к столу, даже не глянув на неё, снял со спинки стула клетчатую рубашку и накинул её на свои мускулистые плечи, затем с какой-то угрюмостью заправил её в брюки, Юлия окончательно почувствовала себя в гостях всеми забытой.

Семён почему-то ей представлялся таким же грубым и нелюдимым, как дед Иван, который привозил в детдом на телеге, запряжённой лошадей, муку в белых мешках. Он всегда отгонял детей от коня, гикал на них, ругался, чтобы не трогали и не гладили его. Этот дед Иван, которого прозывали ещё и рябым, был с кудлатой бородой. Почему-то летом и зимой он ходил в кирзовых сапогах, и всегда был грязный, весь перепачканный мукой...

После гнетущего и молчаливо прошедшего ужина Семён ушёл в ночную смену, и Юлия сразу облегчённо вздохнула, почувствовав себя словно выпущенной из лап лохматого медведя. Сестра тем временем уложила дочурку в люльку, и они остались одни.

– А почему дядя Семён такой? – спросила она, когда Валентина водила её от рамки к рамке с фотографиями и рассказывала, когда и где с Семёном снимались, и о других людях, которые были на снимках. Юлия смотрела на них с опаской, настороженно, как бы Семён и с фоток не сказал ей что-то нехорошее, где он был заснят как с Валентиной, так и с товарищами, и где был изображён по пояс и во весь рост один.

– Какой? – нарочито притворно переспросила Валентина, при этом про себя соображая о том, какой смысл Юлия вкладывала в свой вопрос: «Вот и она это тоже заметила, а что поделаешь, если у него такое обличье».

– Злой, что ли! – ответила девочка, опутив стыдливо глаза, что должна была в этом признаться.

– Да ну, милая, ты ошибаешься, он не злой... просто к нему надо привыкнуть.

– У тебя своя дочка, а ты меня привела, поэтому дядя Семён, наверное, сердится, – глядя на спавшую девочку, произнесла Юлия, когда Валентина начала готовить ей постель ко сну. Услышав такое откровение, сестра так и застыла с простыней в руках, на мгновение замешкалась с ответом: «Какая у меня умная сестра, надо же так сообразить!»

– Как же я могу сестру не пригласить в гости, почему ты так думаешь? Семён не может на меня сердиться, он хорошо знает, как я тебя искала... – разумеется, Валентине нелегко было скрывать правду о Семёне. Как она ни просила мужа быть вежливым; быть с девочкой сдержанным, когда приведёт её, он грубо бросил: «Куда там, будто я воспитывался в заведении для благородных девиц!»

Между тем Юлия продолжала обезоруживать сестру своей детской сметливостью, ставя её почти в безвыходное положение:

– А ты тоже жила в детдоме?

– Понимаешь, милая, я... как бы тебе это сказать понятней... я не росла в детдоме...

– Почему не жила, а я живу?

Удивительная настойчивость Юли, однако, стала её беспокоить. Ведь рассказать всё до конца о ней и о себе она не могла, так как, по словам директора, для этого Юля была ещё слишком мала.

– Давай мы с тобой договоримся, что пока ты ничего не будешь у меня расспрашивать, – осторожно, доверительно попросила Валентина.

– Почему ты запрещаешь мне? – Юля вся сосредоточилась, отчего, казалось, её лицо уменьшилось, сжалось, совершенно не понимая, зачем она об этом её так серьёзно спрашивает. И с застывшей обидой в глазах поджала губы.

– Так надо, милая. Вот вырастишь, тогда и поговорим, хорошо? Завтра Сёма придёт с работы, посидит со Светой, а мы с тобой в кино махнём. В кино ты хочешь?

– Хочу! – но сейчас её больше волновало своё, что стало занимать с недавнего времени. – А долго ждать того дня, когда я вырасту?

– Вот как пойдёшь в школу, а потом окончишь, вот тогда, а теперь давай спать. Мы уже за сегодняшний день наговорились. Ты ноги вымыла? Хорошо, и вот постелька готова...

Наутро, когда проснулись, Юля вдруг запросилась в детдом. Во-первых, она неимоверно соскучилась по детдомовцам и воспитателям, во-вторых, ей не хотелось встречаться с Семёном. Когда вчера он ушёл на дежурство, она этому очень обрадовалась, а теперь он, наверное, должен скоро прийти. Если бы его долго не было с работы, то это другой разговор, она бы ещё могла перетерпеть день до вечера. И тогда вновь встретится со своими детдомовскими подружками и с самой близкой Машей Савиной. Их кровати в спальне стояли рядышком. Впрочем, у Вали ей стало скучно ещё с вечера, казалось, для неё всё было ясно без слов, ведь у сестры домашняя обстановка, и вовсе не детдомовская, без которой она уже не мыслила своей жизни. В её квартире так тесно, что не побегаешь и не попрыгаешь, и ещё она горевала потому, что первый раз не ночевала в детдоме. Поэтому вчера, когда Валя положила её спать в свою постель, Юле сделалось так нестерпимо одиноко и до слёз тоскливо, что вот она спит у Вали, а её кровать в детдоме стоит пустая. Наверное, ей там тоже скучно, потому что нет Юли. И что о ней болтали подружки, ей это тоже хотелось узнать.

– Ничего, ты просто ещё не привыкла ко мне, – ответила Валентина на её неожиданную просьбу отвезти в детдом, и нежно обняла девочку.

Когда проснулась Света, надо было заняться ею. Пока Валентина одевала и умывала дочурку, Юля немедленно приступила к заправке широкой кровати, на которой она спала с сестрой. Увидев старания девочки, Валентина отнеслась к этому внешне спокойно; она хорошо понимала, что каждое утро в жизни этой девочки в детдоме начинается с заправки своей постели, и поэтому нет ничего удивительного в том, что то же самое она делала и у неё. Юля привыкла к заведённому в детдоме незыблемому порядку. Но сегодня лучше пусть девочка отдохнёт. Валентина, одевая дочку, хотела остановить Юлю. Но у неё это получилось почти грубым окриком:

– Что ты делаешь, Юля?

Девочка резко выпрямилась, насторожилась, как бы говоря всем своим видом: «А что я такого делаю, разве не видно, что?»

– Я сама, я сама, ты подумала, что я тебя ругаю? Нет. Я ничуть не ругаю. У тебя это так хорошо получается, что залюбуешься; какая ты умница у меня, но сегодня можешь отдохнуть. Я сама заправлю, а ты отдыхай!

– А мне это нравится, я и делаю! – почти упрямо ответила Юля и пояснила. – Я уже много отдохнула. – И как ни в чём не бывало вновь склонилась над кроватью, растягивая по всей её длине и ширине одеяло, для чего приходилось даже взбираться на постель.

После завтрака пришёл с работы Семён. Тем временем, сидя на диване рядом со Светой, Юля вела с ней беседу. Однако же она постоянно переворачивалась с живота на спину,

пыталась встать на голову и не слушала, что ей втолковывали. А Валентина унесла на кухню мыть посуду, в чём Юле тоже очень хотелось поучаствовать, так как любила выполнять всякую детдомовскую работу. Но сестра убедила её, что надо непременно присмотреть за Светой.

– Ты маму любишь? – спрашивала Юля, подражая взрослым. Но Света по-прежнему на месте не сидела, и ничего не отвечала. А Юля продолжала: – Я тоже люблю воспитателей, а вот пальчик сосать нельзя, это вредное занятие, на нём есть грязь, вот заболеешь животиком, что тогда будет делать с тобой твоя мама? Это очень вредная привычка. Кто тебя научил? Мама не научит, она тебя воспитывает, а ты ей нарочно мешаешь себя воспитывать. Убери, убери из ротика пальчик. Фу, ка-ка! Вот так! – Света послушно, но больше от смущения, вынула порозовевший влажный пальчик, согнула его и спрятала в кулачок, заведя ручку за спину.

– А у меня есть кукля! – раздельно произнесла Света и на животе сползла с дивана, не совсем ещё твёрдо ступая, пошла к шкафу. Она хотела открыть плотно закрытую дверцу, которая, однако, никак ей не поддавалась. Девочка изо всех силенок старалась, кряхтела, что даже вся от натуги покраснела. Юля, видя такое дело, немедленно пришла ей на выручку.

– Давай я помогу тебе, – дверь и под её руками не сразу распахнулась: наконец с обратной стороны раскаленным серебром, как-то угрожающе сверкнуло зеркало, отражавшее содержимое шкафа: зимнее мужское и женское пальто, мужской плащ и костюм. Ещё одно пальто, костюм и платья Валентины, другие вещи, а внизу разное бельё, сложенное аккуратными стопками. Почему-то именно здесь нашла приют большая кукла, как бы притаившись в углу, расставив в обе стороны ноги в нарядном цветном платьице, с голубыми большими глазами и длинными чёрными мохнатыми ресницами, с круглым на щеках румянцем. Руки тоже широко расставлены, и всем своим озорным видом как бы говорила: «А вот и я, а вы и не знали!»

И за этим невинным занятием и застал детей Семён. Как только Юля увидела его коренастую, плотную фигуру с широкими плечами и острым нахмуренным взглядом, она тотчас же в испуге отскочила от шкафа, не успев даже закрыть его. Хотя Света прямо на глазах отца поднимала ножку, чтобы коленкой опереться о край шкафа и забраться в него. Однако у неё это плохо получалось, она никак не доставала края и то и дело её ножка соскальзывала и обрывалась.

При виде открытого гардероба Семён словно напружинился. Юля, прижав к своей груди руки, от страха вся содрогнулась, отчего даже боялась дышать, как затравленный зверёк. Она тотчас отступила к стене, не спуская с Семёна нарядённого взгляда, точно опасалась пропустить нападение врага. При всём при том ей было донельзя стыдно, что Семён застиг её у открытого шкафа. Конечно, она знала, как нехорошо брать чужие вещи, но ведь она даже ни к чему не прикоснулась ни одним пальчиком, просто всего-навсего хотела помочь его же дочке. А он вообразил, будто она решила что-то украсть, чего и в мыслях не держала. Если в детдоме вдруг случались кражи у своих же товарищей, то за это строго перепадало воришкам от воспитателей. А в придачу тем, кто крал, не меньше доставалось и от самих детдомовцев...

Между тем Семён молча подхватил дочь на руки, решительно отнёс её на диван, затем воротился, покопался внутри гардероба и шумно закрыл дверцу.

– Па-па, я куклю хочу, я куклю хочу! – просила Света и нервно дрыгала ножками, а увидев, как отец закрыл шкаф, залилась слезами, вереща не своим голосом.

На отчаянный плач дочери поспешила Валентина, которая, моя посуду, не прекращала размышлять о Юле. Ведь за завтраком она спросила: «А у меня мама была, а папа был?» И Валентина растерялась, не зная, что можно рассказывать девочке, а что нет. Она помнила уговор с директором детдома, которая наставляла: не всё девочке говорить, например, о том, как произошла беда с родителями. Ведь она совсем их не знала и ещё думает, что их у неё никогда не было. А когда Юля повзрослеет, вот тогда можно будет приоткрыть ей правду: «Юля, я точно сама сказать не могу, но как только хорошо разузнаю, так и расскажу тебе». И вот тут её отвлёк истошный плач дочери, доносившийся из комнаты.

– Что тут у вас происходит? – она недоумённо, с укором во взгляде уставилась на мужа. – Сёма, что случилось? – Валентина взяла на руки дочь, которая ещё голосила.

– Мама, я куклю хоцю-у! – она кулачками размазывала по лицу слёзы, и ручкой показывала в сторону шкафа.

– Неужели тебе жалко дать ребёнку куклу? – в оторопи спросила жена.

– Испачкает, сломать недолго, подрастёт малость – пусть тогда играет! – раздражённо выпалил Семён.

– Вот тоже мне, отец называется! – глянув на мужа презрительно, оставив дочь на диване, она решительно подошла к шкафу.

– Так не напасёшься денег только на одни игрушки! – ворчливо бросил Семён.

– Ой, обеднял! Я сама зарабатываю и куплю, тебя не попрошу. Сёма, не стыдно при девочке говорить такое?

Затем обратилась к Юле:

– Ты чего стоишь там, иди, сядь на диван!

Юля робко, боязливо прошла к дивану. Света держала куклу, бережно прижимая к себе обеими ручонками, поглядывая с опаской на отца.

Как бы там ни было, Семён умел в душе примиряться с женой, ведь она намного его моложе. Взял её совсем девчонкой, полюбил крепкой поздней любовью за мягкий, покладистый и, в общем-то, добрый характер. Он чувствовал, что она любила его, может уже не так сильно, как он, Семён. Но и за эту любовь был ей очень благодарен...

В своё время Валентине муж казался каким-то загадочным, человеком нелёгкой судьбы, с налётом даже романтики. Правда, это было её первое впечатление, от которого со временем ничего не осталось. Когда стали жить совместно, Семён начал открываться во всей своей природной сущности. После каждых стычек с мужем Валентине всегда становилось на душе неуютно или просто гадко. Вот и сейчас, готовя ему завтрак, вспомнила, как первое время после свадьбы она тряслась, если к его приходу с работы не успевала приготовить ужин. Хотя этот страх проходил по мере привыкания к нему, он всё глубже открывался изнутри. Действительно внешне он казался суровым, зато после вспышек гнева быстро остывал. Валентина опять мысленно вернулась к недавнему поступку мужа, и в ней чуть ли ни с прежней силой вновь проснулось возмущение: «Ну что за человек, постоянно его что-то не устраивает, надо же, пожалел для дочери куклу, а тогда зачем её покупал? Чтобы спрятать? И что за человек, вот жмот, скряга, чёртот Плюшкин! В тот раз хотела купить ему туфли, говорил: у меня есть! А у самого денег, как у куркуля. Вот у людей в квартирах что-то путное стоит, а у нас одна рухлядь. Да ещё мечтает поехать зарабатывать на Север и меня с собой вербует. Никуда с ним не поеду! Пускай сам уматывает! Я теперь сестру не брошу, а с ним о ней поговорю серьёзно. Хотя бы ему дали квартиру, тогда будет легче... Вот сейчас с Юлей пойдём в кино – заглянем в универмаг, посмотрю что-нибудь для неё. Да разве его, чёрта, уговоришь, чтобы посидел со Светой? Опять скажет, спать надо, устал, а сам на своём молокозаводе наверно всю ночь продрых. Знаю, как работают в ночной слесаря, сама вижу на кондитерской фабрике. Легче столб уговорить с места сойти, всё равно, сколько сможет наупрямится, потом согласится. Такой уж характер, чтоб обязательно его уговаривали...»

Глава третья

Этот день для Юли запомнился не одним тем, что она спала у Валентины, о чём думала, что узнала из жизни сестры, ей врезался в память вот таким нелюдимым Семён; и как она впервые в своей жизни задумалась о родителях. Правда, расспросы о них сестры, в сущности, ей ничего не дали, чем очень разочаровали Юлю, после чего она ещё с большей детской завистью смотрела на Свету, у которой есть родители. А у неё, вот, нету.

Своё обещание сводить Юлю в кино и купить ей что-нибудь из одежды в универмаге Валентина исполнила на следующий день; и маленькая сестрёнка была очень рада новому платью и туфелькам. После они ещё какое-то время погуляли по городу, ели мороженое, а потом Валентина отвела её в детдом, сказав на прощание, что возьмёт Юлю к себе в следующую субботу. На прощанье расцеловала сестру, посмотрела, как она пошла по двору и скрылась в дверях. Когда убедилась, что Юлия оказалась на месте, пошла своей дорогой, обуреваемая думами о своём муже, так как сейчас опять вспомнила, что Семён давно поговаривал: когда подрастёт дочь, они всей семьёй поедут на Север. В тех таёжных краях когда-то он отбывал заключение. И давно мечтал о больших северных заработках...

С Семёном она познакомилась на молокозаводе во время студенческой практики, а её будущий муж работал слесарем по ремонту и наладке оборудования, на котором изготавливали из молока разные продукты: сливочное масло, кефир, ряженку, сыры. Валентина тогда изучала технологию этого производства. И Семён однажды присутствовал во время её ознакомления, охотно объясняя девушке производственный цикл. Он сумел расположить её к себе мужским обаянием. До него у Валентины ещё никого не было. Семён пригласил девушку в кино, на что она охотно согласилась. А потом они начали регулярно встречаться, завязались тесные отношения. Он был старше её на двадцать лет. Она влюбилась, поверила, что сделает её безмерно счастливой. Семён в то время жил с престарелой матерью. А его младший брат Николай после окончания института служил в армии...

Семён овладел ею ещё до свадьбы почти против её воли, а через месяц они поженились. С первых дней их совместной жизни он стал бредить поездкой на Север, поскольку твёрдо проникся убеждением, что только в этом случае они могут выкарабкаться из нужды и зажить хорошо, что в нашей стране – это единственный путь честно разбогатеть. Валентина пыталась проникнуться его непоколебимой верой и стремлением сделать её счастливой. Может, действительно ему повезёт: сейчас такое время, что все куда-то едут, а сидя на месте, они никогда не избавятся от нищеты. Но кто бы мог подумать, что для неё самой вдруг так круто всё изменится. Когда она нашла Юлю, то почти сразу пропало желание податься с Семёном на Север в поисках призрачного счастья. Валентина обрела новый смысл жизни; о богатстве уже не мечтала, вдобавок к ней с прежней силой вернулись сомнения: вряд ли планы мужа могут осуществиться. И этим намеревалась оправдаться в том случае, если он будет надоедать. Она боялась дня, когда муж объявит об отъезде, и как можно реже оставалась с Семёном наедине, уходила гулять с дочерью на улицу... Но вот то, чего она так избегала, неотвратимо произошло. Семён вернулся с работы после ночной смены. Вид его был как всегда хмурый, недовольный, видно, опять с кем-то не ладил. Не глядя на жену, он напомнил, что скоро поедут на Север. Он написал уже заявление на расчёт. У Валентины от его слов сразу забило сердце, потемнело в глазах, с какой-то бесшабашной весёлостью она неожиданно сказала, словно была пьяная, что готова предоставить ему полную свободу выбора: или семья, или длинный рубль.

– А что, почему бы тебе одному не поехать? – и с каким-то вызовом вскинула голову, точно приготовилась отразить удар. Семён смотрел с красным от внутреннего гнева лицом, его глаза сначала удивлённо расширились, потом подозрительно сузились, так как ответ жены поразил откровенным безразличием. Валентина и раньше поступала своевольно, но таким

холодным тоном ему никогда не отвечала. Он опять напомнил, что они собирались ехать вместе. Она покачала головой. Видя, что жена как бы не в себе и несговорчива, Семён решил подождать ещё какое-то время и увольняться с работы пока передумал. Он надеялся, что пройдёт время и жена снова станет покладистой и сговорчивой. Почему-то Семён не сразу подумал о том, что заставило Валентину отказаться от их совместных планов. Даже в тот день, когда жена вдруг огорошила его сообщением, что нашла сестру, которую давно искала, он и тогда не увидел в Юле разгадку причины её отказа от поездки на Север. «Да, конечно, дочь ещё маленькая, может, есть резон подождать год, а потом двинуть вместе...» – подумал он про себя.

И только когда Семён увидел Юлю воочию, тут его сразу резанула догадка: «Вот из-за кого Валька взбрыкивает!» И тогда он принял бесповоротное решение: больше нельзя откладывать поездку, не то жена крепко привяжется к сестрёнке, и они никуда так и не уедут. И, полный гнева, Семён выпалил:

– Всё! Собираемся и едем! – Валентина спокойно, с приличной долей выдержки подошла к мужу, взяла ласково за руку, чего никогда не делала, и сказала твёрдо:

– Вот что, дорогой, поезжай сам! Я с детьми останусь. Неужели ты не справишься там без меня с твоим богатым жизненным опытом? Дорогу ты знаешь... Ну что мы за тобой потащимся в неизвестность? – она смотрела уверенно, с лёгким укором: как он не поймёт, что задумал сорвать семью туда, где нет жилья хоть такого, в каком они обитают сейчас.

Хотя Валентина и говорила так, она отлично знала, насколько сильно, до иступления бывал зол и ревнив Семён. За недолгие годы совместной жизни она успела это познать сполна. Однажды у кого-то на празднике, кажется, у его младшего брата Николая, Семён чуть было не ударил топором человека. А за что? Валентину пригласил на вальс один симпатичный мужчина; муж нервно курил, наблюдая как они кружились в танце. И вдруг в его руках оказался топор, где он взял его, она до сих пор не знает. И Семён вроде бы и несильно был пьян. Но полетел к ним, как сущий зверь, растолкал их в разные стороны: если бы не посторонние люди, так бы и раскрыл её партнёру череп...

Конечно, Семён чувствовал произошедшую в жене перемену, что однозначно прозвучало в её ответе, и продолжал её тиранить:

– Один я никуда не поеду! – воскликнул он. – Забыла наш давний уговор? Тебе эта девочка, выходит, дороже личного счастья, я это так понимаю? – Он при этом свирепо уставился на жену, которая от его холодного острого взгляда испытывала страх. Его кустистые брови как-то вызывающе топорщились. Он действительно редко улыбался, отчего всё вокруг принимало какой-то мрачноватый оттенок, правда, стоило ему улыбнуться, как всё кругом тотчас светлело и он сам озарялся сдержанно добрым светом. Но сейчас его серые глаза пылали ненавистью и злобой. Муж продолжал:

– У неё есть такая замечательная, справедливая страна! Вот и пускай позаботится, а обо мне да о тебе никто не печётся, учти, пальчиком не пошевелит, и я должен всё сам, сам! Тебе это неужели непонятно?

– Да, это верно: она без нас давно о ней позаботилась. И наш с тобой уговор я не забыла, Сёмочка! Но нынче для его воплощения уже изменились обстоятельства. Я нашла сестру и буду ею дорожить: перед ней я очень виновата, а ты понять этого не хочешь...

– Сестра, говоришь? Разве это повод для отказа от своей заветной мечты? Да кто она тебе на самом деле, ты лучше вспомни! Или, может, их всех возьмишь под крыло, как наседка, и пестуй всех, сколько их там собрали по свету. Полюби всех и назови братишками да сестрёнками! Кто же меня поймёт? – кричал Семён, брызгая слюной во все стороны.

– Сёма, перестань кипятиться, как тебе не стыдно! Девочка сирота, а ты так разошёлся... и где у тебя сердце только?

– Где, сердце, говоришь? – вскричал он. – Вот сердце, вот сердце! – Он сильно припечатывал себя по груди всей тяжёлой ладонью и продолжал: – Лучше скажи, где твоё сердце? Я разве виноват, что у этого ребёнка не стало отца и матери, и я должен отвечать за чьи-то грехи?

– Ты же видел фотку или ещё показать? – и она быстро выдвинула ящик комода, стала в нём лихорадочно рыться. Через минуту Валентина нашла фотографию девочки, снятую под зелёным раскидистым деревом. И резко сунула ему под нос.

– Э-э, да брось! – он метнул фотокарточку на стол. – Тогда найди её отца, если ты уверена, что это она и есть!

– Ты совсем обеспамятовал, Сёма, я же тебе уже объясняла. Моя бабка по матери, Юлю не признала потому, что она была внебрачная. Хотя с её отцом мать жила будто бы на законных основаниях. И после гибели отца в шахте мать запила, а через год простудилась и умерла от воспаления лёгких. Вот тогда моя бабка поехала к сестре моего отца, и с ней отдали Юлю в детдом. Тогда ей было полтора годика. Первое время чисто из жалости они брали её к себе по очереди. Один снимок, вот этот, – она указала на стол, – у них остался. Я взяла фото себе на память, а девочку куда-то увезли.

– Ну, и скажи, у кого, спрашивается, есть сердце: у твоей матери или у меня? Я свою дочь не бросаю, хочу ехать вместе с тобой и с ней. А ты теперь упираешься, как корова перед бойней. Твоя мамаша, мало того, что бросила тебя на бабку, удрав в город к южанину, да еще спилась.

– Я тебе не корова, Сёма, и не трогай покойницу! – произнесла она повышенным тоном.

– А что, разве неправду сказал? Почему-то я не запил! Ведь жизнь меня ломала покруче многих; срок отмотал, а всё такой же... Может, ты тоже запьёшь, если я укачу на край света? – насмешливо, с чувством превосходства и вместе с тем серьёзно спросил Семён, сверкая холодными глазами.

– Да, это правда, какой ты был, такой и остался! – сокрушённо качнула она головой.

Несмотря на своё традиционно грубое и ревнивое обращение с женой, он отдавал отчёт своим поступкам и вполне терпеливо сносил её порой справедливые замечания, а то и оскорбительные против него выпады. Вернее, он делал вид, что их не замечает, вот как сейчас:

– Валя, ты как нашла эту сестрёнку, так и забыла, что есть на свете я! Вот ты говоришь: поезжай сам, что же это получается, – продолжал рассудительным и спокойным тоном, но иногда возвышая его до твёрдой и раздражительной нотки, – что значит поезжай сам, а ты тут хахаля заведёшь? – Он злорадно просиял оттого, что его осенила такая своевременная догадка. И тут Семён, видя, что жена испугалась, вскочил с дивана, в устрашающей позе наклонился к ней, сидевшей на стуле перед столом. – А может, ты нарочно завела себе эту сестрёнку, чтобы мне запудрить глаза, ты и привела её, мол, полюбуйся, какая я добренькая и хорошая...

– Сёма, какой же ты ненормальный, извини, и не лечишься! Ну, какая у тебя безумная фантазия, дескать, я нашла причину не ехать? – и горестно, в досаде покачала головой.

– Ну, мы ещё посмотрим, кто из нас окажется прав! – запальчиво заговорил Семён, полный отчаяния. – Вот что, ступай с ней куда хочешь, а тут она жить не будет, без неё тесно!

– Так тебе же обещали скоро дать квартиру, когда же дадут? Я, наверное, быстрее получу, чем ты. Носишься со своим севером: и тут прозеваешь, и там с носом останешься...

Однако Семён, больше не слушая жену, продолжал твердить то, что за последнее время накопело у него на душе, а именно с появлением Юли Валентину словно подменили...

– Итак, значит, ты отказываешься ехать со мной? – жёстко спросил он.

– По-моему, я тебе ответила ясно: можешь отправляться сам за своей жар-птицей, – спокойно и вместе с тем как бы виновато ответила Валентина, с жалостью глядя на мужа понимая, что разбивает его мечту.

– В таком случае, я заявляю: чтобы твоей сестрёнки тут больше и близко не было. Я сказал, на одну ночь и не больше, а тебе только позволь! – отчеканил он.

– Что ты городишь, Сёма? – в отчаянии вскрикнула оскорбленная жена и впервые почувствовала, что отныне не может спокойно переносить его присутствие рядом с собой. Рада бы хоть сейчас уйти от него, да вот некуда. И жалости к нему, прежнему, больше в душе не осталось. И была готова расплакаться, что из-за такого пустяка (хотя это был вовсе не пустяк) они должны отныне стать врагами...

Глава четвёртая

С того дня, как Валентина нашла Юлю, прошло два нелёгких года. Муж её всё ещё оставался на месте, как будто не спешил уезжать за своей давней мечтой. Он по-прежнему работал на своём «молокане» и, похоже, один без жены на Север никогда не уедет, так как любил её, хотя и вымещал на ней зло за сорванный ею отъезд. А непреодолимая злость с жены одновременно переходила на Юлю, отчего в семье участились скандалы, которые, в конце концов, привели к тому, что Юлю невозможно было приводить в гости. Семён угрожал жене, что скажет сестрёнке прямо: они в ней не нуждаются даже в том случае, если она правда сестра Валентины. Ей самим Господом указано место – детдом! И нечего прибиваться к чужой семье.

– Эта бесова девчонка, – кричал он, – мне приносит одни неприятности! – хотя он не мог бы объяснить конкретно, в чём именно они заключались.

Какое-то время Валентина надеялась, что Семён сменит гнев на милость, наконец, остынет и в семье вновь воцарится мир. Время шло, но он не смирился. Между тем все эти годы Валентина почти регулярно продолжала навещать Юлю в детдоме. После той единственной ночёвки у сестры, когда она пришла в детдом, ей показалось, что в нём она отсутствовала очень долго. Но, правда, уже на второй день Юле снова захотелось поехать к Вале. И когда сестра пришла дня через два, она спросила:

– Ты возьмёшь меня к себе, когда дядя Семён уйдёт на работу?

Валентина ожидала этот вопрос, и ей пришлось прибегнуть к хитрости. Чтобы девочка не подумала, будто бы ей она уже надоела, а ходит к ней исключительно из чувства сострадания или просто из вежливости, сестра ответила:

– Конечно, я могу, но только я должна тебе сказать, что наш дом поставили на долгий ремонт. В нашей квартире столько грязи, пыли, что хоть самим из дому убегай! И ещё неизвестно, сколько времени будет продолжаться этот затянувшийся беспорядок.

– А можно подмести и полы вымыть, – резво посоветовала Юля.

– Да и так каждый день подметаю, но пыль снова летит; строители без конца мусорят, – Валентине до слёз было жалко девочку.

Конечно, о вранье Валентины она не догадывалась. Юля по-детски, наивно поверила сестре. И всё же терпеливо ждала окончания ремонта; она настолько привыкла к посещениям сестры и к ней самой, что уже не представляла своей детдомовской жизни без этих её посещений. Но девочка уже не каждый раз спрашивала, скоро ли закончится ремонт. Может, потому, что ещё хорошо помнила Семёна.

Разумеется, от своего вынужденного вранья Валентине было невероятно тяжело. Да ещё видеть постоянно молчаливо спрашивающие глаза Юли: «Когда ты меня возьмёшь к себе?» Но как ей объяснить, что из-за ужасного характера своего мужа она просто не видела иного выхода. Однако «ремонт» всё продолжался, всё тянулся, и со временем Юле надоело о нём думать, и она перестала вообще им интересоваться. И через месяц ей уже казалось, будто она никогда не была у Валентины. Это был просто сон. И визиты сестры, как прежде, уже перестали её радовать. Да и подружки иногда назойливо интересовались: почему сестра больше её не берёт на выходные? Юля терялась, а потом, в оправдание Вали, поясняла всем, что дом, в котором живёт сестра, поставлен на ремонт. Правда, о Семёне она промолчала. А то гадкое впечатление, которое когда-то он производил, спустя время выветрилось, отныне для неё его словно не существовало.

Юле только оставалось довольствоваться прогулками с Валентиной по городу и принимать её угощения, а иногда и подарки. В свои семейные проблемы Туземцева, разумеется, посвятила Тамару Игнатьевну, которая, впрочем, предполагала, что ей будет нелегко договориться с мужем, чтобы принять Юлю к себе. И восприняла это с должным пониманием.

Но и огорчилась, что девочка уже надеялась обрести приют у сестры. Хотя со слов последней она знала, что воспитаннице было бы жалко покидать детдом. И Пустовалова осталась весьма довольна, что в отношении детдома Юлия вела себя так патриотично, а значит, верна и ей, директору...

Что таить греха, Валентине казалось, что если вдруг ей удастся уговорить мужа принять сестру на воспитание в семью, она возьмёт на себя всю полноту ответственности. Ко всему прочему, как раз в тот год Юлия пошла в школу. С ней надо было усиленно заниматься, а тут своей дочке требовалось внимания ещё больше, чем ей. Словом, этим самым под давлением противоречивых обстоятельств она как бы оправдала свои неисполненные благие намерения. Потом стала привыкать к тому, что Семён был категорически против принятия сироты в семью. Да и тесное, неблагоустроенное жильё тоже не позволяло. Хорошо хоть одно то, что теперь Юлия знала о существовании сестры...

Глава пятая

Без особых изменений для неё миновало ещё два года. За это время она заметно повзрослела и уже училась в четвёртом классе. Из некогда прежней худенькой девочки превращалась в крепкого подростка. Словом, Юля на глазах дивно хорошела. Всё это время она училась играть на пианино под руководством директора, которая много сил отдавала эстетическому воспитанию детей.

Одно время по разным причинам Валентина не навещала Юлю, которая так сильно обиделась на сестру, что стала ото всех замыкаться; не могла же она всем объяснить, что из-за своего вредного мужа сестра, похоже, уже решила забыть о её существовании. И только одна директорша догадывалась об истинных причинах переживаний Юли и всячески старалась отвлекать девочку от тяготивших её дум. Хотя на все её расспросы та натянуто улыбалась или отвечала, что никак не научится играть на пианино так же, как это превосходно получается у директора, что Юле, между прочим, тоже немало досаждало.

Тамара Игнатьевна, конечно, девочку успокаивала и говорила, что при её огромном старании она обязательно овладеет инструментом, так как для этого надо много учиться, но директор не могла всё знать об особенностях детской психологии и всего того, что происходило в семье сестры. Спустя какое-то время всё-таки Валентина была вынуждена признаться Юле, из-за чего она не могла брать её к себе в гости, во что девочка, однако, верила с трудом. Ко всему прочему, у Юли рано стала проявляться гордость, и она уже хорошо понимала, что сестре она вовсе не нужна и перестала проситься в гости. И перед детдомовцами охлаждение сестры к ней оправдывала тем, что у Валентины полно своих проблем: пусть живёт, как знает. А с Семёном из-за неё, Юли, ей нечего ругаться. Правда, эти слова она добавляла уже про себя, адресуя их, конечно, сестре...

И однажды весной, когда только что сошёл снег, после длительного отсутствия, пришла в детдом Валентина, от которой Юля за это время даже уже стала отвыкать. Сестра долго оправдывалась, извинялась. А Юле почему-то было неловко на неё смотреть: в её душе боролись гнев и обида, но девочка уже привыкла их подавлять. Она слушала сестру и ловила себя на мысли, что ей лестно выслушивать Валентину, которая, кончив изливать свои оправдания, с радостью сообщила, что ей дали новую квартиру, причём совсем недалеко от детдома, всего в трёх кварталах. И теперь Юля может к ней свободно приходить в гости. К тому же, дома нет теперь Семёна. Это сообщение Юлю так обрадовало, что она перестала обижаться на сестру, живо спросив:

– А где же он? Ты знаешь, я и думать про него забыла! – и звонко рассмеялась, чем выразила окончательное примирение с сестрой. Теперь она открыто взирала на Валентину, почти не скрывая своего ликования от такой неожиданной новости, которая её взбодрила и вселила веру в доброту сестры. Юля улыбалась блестящими глазами, выражавшими внутренний восторг и счастье. Все старые обиды мгновенно улетели прочь, она снова безмерно любила сестру.

– За длинным рублём погнался! – отчеканила Валентина, ограничившись пока таким ответом. Ей тоже передался душевный подъём сестры.

– Он, правда, уехал? – протянула с восхищением. – Ой, как хорошо! – и захлопала в ладоши.

Валентина вовсе не лгала, Семён действительно уехал, да только не по своей воле. В последнее время муж стал сильнее выпивать. А во хмелю становился очень задиристым. И однажды в пивной заспорил с незнакомым человеком, вспыхнула ссора. Трудно сказать, что произошло в его сознании, но вдруг представил мужчину соперником, так как в каждом симпатичном видел потенциального любовника жены. Схватил со стойки бара нож и полоснул по щеке, а потом ударил ещё...

Как замечательно, что отныне Валентина жила почти рядом с детдомом. Теперь в любой день недели Юлия могла свободно прибегать к сестре, тем самым вернула утраченную было репутацию в глазах подружек, которым несколько поспешно когда-то расхваливала Валентину. Вот, мол, скоро будет жить у неё. И вдруг даже навещать перестала. Юле стали говорить, что у неё плохая сестра, которая отказывается брать ее в гости. А может она вовсе не её сестра, в чём Юлия тогда начала уже тоже сомневаться...

Обыкновенно девочка прибегала к Валентине сразу после уроков в школе, не заходя даже в детдом. Побудет у сестры часок-другой, та накормит её, чем была богата, затем поиграет со Светой, которой уже сравнялось шесть лет, почитает ей сказку и опрометью убежала. Иной раз даже помогала сестре прибираться в двухкомнатной квартире и потом с неохотой отправлялась в детдом. Когда особенно долго задерживалась у сестры, воспитатели отчитывали её, после чего несколько дней у Валентины не показывалась, а потом снова приходила. Со временем она настолько привыкла к самостоятельным поступкам, что почти перестала бояться воспитателей. Её всё чаще манила к себе улица, куда ей самовольно не позволяли уходить – неукоснительно требовалось соблюдать заведённый распорядок. Но по мере взросления он стал тяготить её, сковывая свободу действий, и всё чаще она поступала наперекор установленным правилам.

Конечно, в одиннадцатилетнем возрасте вполне объяснимо стремление расширять жизненное пространство. Хотелось больше знать об окружающем мире. Потому после школы Юлия и подруга Маша Савина не спешили возвращаться в детдом. К тому же, на улице наступил самый разгар весны, такой чудесный тёплый день. Недавно уже сняли зимние пальто, и солнышко так приятно пригревало, и кругом так восхитительно пахло весной, что хотелось от счастья прыгать до самого неба. На деревьях полопались почки, из которых выглядывали на божий мир, точно из гнёзд зелёными клювиками микроскопические птенчики, а вокруг них, казалось, воздух светился зелёными облачками. И жизнь кругом задвигалась, забегала, засуетилась; уроки теперь на ум не шли. Весна увлекала за собой на шумную, многолюдную главную улицу, где целый людской водоворот и машины, машины снуют туда-сюда, выбрасывая в чистый весенний воздух выхлопные газы...

Словом, девочки любили пошататься по центру среди шумной толпы прохожих. Ради интереса сновали по магазинам, которые завлекали нарядными витринами и рекламами промышленных и гастрономических товаров. Прямо на улице продавали мороженое, для которого Юлия прибегала выделенную сестрой мелочь.

Набегавшись по проспекту Московскому, Юлия и Маша приходили к Валентине, которая к этому времени была уже дома. Сестра угощала их вкусным обедом: мясным борщом, домашними сладкими пирожками. Маша теперь убедилась в том, что у Юли и правда есть родная сестра. Подружка не обманывала. На вопрос Маши, почему Валя не возьмёт её к себе на жительство, Юлия находчиво отвечала:

– А мне и так хорошо. Я бываю у неё каждый день. Просто я не хочу стать для неё лишней обузой. У неё есть Светка, она маленькая, её надо кормить, одевать, отец её совсем далеко...

Однажды в конце апреля Маша ушла в детдом, а Юлия осталась у сестры. Правда, немного проводила подругу и вернулась назад, тем самым доказав, что отныне она вольна поступать так, как ей заблагорассудится. Словом, решила остаться на ночёвку у Вали, поскольку шумный детдом уже порядком осточертел, где всё подчинено нудным правилам. В то время как у сестры можно было жить без этого надоевшего распорядка, расписанного, как по нотам. Вдобавок Валентина позволяла ей почти всё: захочет играть – ступай – резвись с дворовыми девчонками, с которыми у неё иногда случались досадные стычки. Обычно не ладили из-за пустяка, и тогда её начинали обзывать оскорбительными прозвищами: «беспризорница», «инкубаторская» и другими унижительными словечками, после чего Юлия распускала кулаки, и её стали бояться и за глаза называли «бандиткой».

Из-за таких стычек порой втайне плакала, скрывая от сестры свои нелады с домашними детьми. Но Валентина об этом узнавала от родителей тех девочек, которых побила Юля. В таких случаях Валентина подзывала всех её обидчиц, чтобы выяснить подлинную суть конфликта. Дворовые девочки находили в свою защиту не совсем искренние оправдания. Они обвиняли во всём одну Юлю, что она в высшей степени гордая, заносчивая, как что не по ней, так в ход пускала кулаки. Валентина, конечно, могла бы поверить детворе, если бы мало-мальски не знала Юлю, которая ни с того ни сего не стала бы драться. Правда, раньше такое за Юлей не наблюдалось. Валентина переговорила с ней отдельно и убедилась в её честности, но не предполагала, что та может на кулаках отстаивать своё достоинство.

Юля удивилась, когда узнала, что сестре известны те прозвища, какими девочки обзывали её. И теперь уже меньше водилась с домашними детьми. Но именно с этого времени с новой силой начала испытывать неодолимое желание узнать тайну своего рождения. Как и четыре года назад, опять спросила у Валентины об этом, однако сестра снова ничего толком ей не объяснила. Лишь сказала, что мать давно умерла, о чём она будто бы тоже мало что знает...

Ночью за Юлей пришли из детдома и увели, при этом отчитали Валентину, что взрослые люди так беспечно не поступают.

– Зачем ты меня так подводишь? – упрекнула она Юлю, которая виновато, с понурым видом молча опустила голову.

– А мы с ног сбились: на дворе вечер, а её нету. Спросили у Маши: туда же – молчит. Уже хотели было идти в милицию, и тут её подружка сразу заговорила. Смотри, Юля больше так не делай! Сестре доставила неприятность. Вот не будем пускать, тогда узнаешь, – её ругали несильно, только журили.

Юле у Валентины нравилось бывать ещё и потому, что в детдоме завтрак, обед и ужин были установлены в определённые часы, то время как у сестры она могла поесть, когда ей вздумается. В детдоме после обеда воспитанники стаскивали со столов хлеб, и прятали его где кто находил для себя удобным. И хлебом подкармливались за играми до ужина, с которого про запас опять несли на ночь в спальни. Хотя голодными-то и не были, но вот повелась такая привычка. А за эти проделки иногда ругали воспитатели, повторявшие без конца, что не так жалко хлеб, как им крошат по коридорам и на постелях. Но бывало и того хуже, когда озорники брали хлеб, чтобы бросаться друг в друга сделанными из мякиша шариками, которые валялись всюду: и в спальнях, и в коридорах. Впрочем, хлеб могли найти даже в засохшем виде под подушками, в карманах. Самые шустрые и проворные ребята всегда имели его впрок и охотно делились с тихонями, которые просто не успевали за ловкачами. А иногда бывало, даже выменивали на хлеб какие-нибудь безделушки: пробки из-под пузырьков, переводнушки. Но если вдруг несмелым везло стащить хлеб, они ни с кем им не делились, зная, что в следующий раз им могло просто не повезти. И добытый хлеб старались не показывать постоянным везунчикам, словно опасались, что у них его отнимут или потребуют вернуть как долг. Словом, такие дети довольно редко делились своей добычей, а чтобы были добрей, сами же детдомовцы как следует и проучивали жадюг.

С возрастом у Юли развивалось тщеславие, которое более наглядно проявлялось в тех случаях, когда на неё обращали внимание мальчики старшего возраста и её ровесники. Впрочем, даже задиристые и хулиганистые относились к ней весьма благосклонно. Они никогда её не оскорбляли и даже защищали в школе, если к ней грубо приставали домашние мальчишки, норовя подергать за косу. Почему так происходило, об этом она тогда особенно не задумывалась. Может потому, что в этом возрасте её больше привлекали разные детские игры, которыми она увлекалась вместе с подружками. Хотя всё больше уже хотелось знать о жизни, о любви. Игры постепенно интересовали всё меньше. Когда на школьных уроках она уяснила, что мир состоит из шести частей света, с разными странами, с большими и малыми городами,

сёлами и деревнями, реками и озёрами, лесами и полями, морями и океанами, пустынями и горами, и всего этого она ещё не видела наяву, в ней, разумеется, забродила мечта: сесть на поезд и уехать посмотреть другие города, безудержно манившие к себе своими тайнами и загадками. Но как их увидеть, она пока не имела понятия. Как-то раз Юля решила выяснить у Маши: откуда в далёкие города уходят поезда, которые, впрочем, она уже видела, даже слышно по ночам, как они призывно гудят. Но может это вовсе не те?

– А ты спроси у Вали, она всё знает! – посоветовала Маша.

К сестре подруги отправились после школы.

– Я хочу уехать к матери, – призналась по дороге Маша. – А давай к ней поедem вместе!

– А ты знаешь, где она живёт?

– Где-то под Магнитогорском. Точно забыла! Помнишь, она присылала мне письмо, приглашала в гости. Вот и поедem.

– А ты знаешь, как туда ехать? – спросила Юля.

– Сначала надо приехать в Москву, а там скажут. Я у девочек больших узнавала. И мать тоже писала, если, дескать, были бы деньги, то приехала бы ко мне, а я догадываюсь, что она последние пропивает.

– Она не любит тебя, а то бы давно забрала и пить перестала бы. Вот, где мы столько возьмём денег на дорогу?

– Да можно зайцем, думаешь, так никто не ездит?

За последние годы в новой квартире сестры почти вся обстановка обновилась: теперь старого шкафа не было. В большой комнате стоял трёхдверный шифоньер. На выкрашенном полу устланы не старые дорожки, а новый серый палас во всю ширину комнаты. Правда, кровать была всё та же, железная, только над ней висел новый, дороже старого, ковёр, а прежний с оленями давно красовался над Светкиной кроваткой. Вместо настенного зеркала угол занимало большое трюмо, новый круглый стол, застеленный вишневой бархатной скатертью, облюбовал середину зала. В простенке между окнами на высокой тумбочке стоял новенький приёчник, наверху которого полукругом выстроились «по росту» белые слоники. Старый диван стоял в передней, а новый – в зале. На больших окнах – вышитые белые занавески, на подоконниках в горшочках – комнатные цветы, на стенах те же самые рамки с фотографиями. В квартире поддерживалась всегда идеальная чистота. И по всему было видно, что хозяйка старалась украшать свой быт новыми предметами.

Маше Юля похвасталась, что сестра разрешает ей самой включать новенькую радиолу. Один раз она слушала, как рассказывали о Гагарине, совершившем недавно облёт Земли. Только жалко, что ничего не говорили о космосе и его впечатлениях, о том, что он увидел там. Хорошо приземлился, потом с визитами объехал все страны, и рассказали, как и где его встречали, потом повторяли ещё раз. А почему бы не рассказать о тех городах, в которых он побывал, что видел, где они находятся и как он туда ехал. Наверное, летел на самолёте, ведь Гагарин лётчик. Вот бы к ней, Юле, прилетел и забрал с собой! – мечталось сладостно девочке.

– Знаешь, какие города красивые: Париж, Лондон, Москва, Ленинград, Таллин, Рига, Берлин, – говорила Юля подруге. – Вот куда надо поехать! Вообрази, я ловлю их по приёмнику, и хочу представить, какие там живут люди, что они делают. Временами читаю надписи на тёмном стекле, подсвеченном изнутри двумя малюсенькими лампочками, и думаю, что в тех городах обитают совсем другие люди, они не похожи на нас с тобой и даже на сестру и Тamarу Игнатьевну. Ты когда-нибудь воображала, что где-то далеко-далеко, в ином, внеземном мире, на какой-нибудь космической звезде живут такие же точно девочки, как ты да я, во всём похожие на нас, как две капли воды. И те космические девочки вроде тебя и меня так же думают, радуются, плачут, так же хотят жить, как мы, и живут они в детдоме, как мы...

– Ты большая фантазёрка! – воскликнула Маша. – Этого не может быть в природе. Так не бывает. А хорошо бы поездить по свету, как Гагарин. Вот бы ему написать и пусть расскажет,

что видел в космосе и существует ли там такая фантазерка вроде тебя! – Маша засмеялась, но Юля на подругу не обиделась и даже ещё больше разоткровенничалась, что с ней бывало крайне редко.

– Ничего ты не понимаешь, ведь мы когда-нибудь умрём, это так страшно! А в космосе, предположим, живёт моя двойничка, и будет продолжать жить вместо меня. Ты разве об этом не мечтала? Ну и зря! Когда я поняла, что тоже смертна, меня это так расстроило. И никак не могла с этим согласиться: зачем я тогда живу? Помнишь, по нашей улице проходила траурная процессия. На машине, обитой красным ситцем, стоял гроб с покойником: за ним шагало много людей. А потом в спальне я укрылась с головой одеялом, представила себя умершей, как надо мной плачут девочки и мальчики, и ты тоже со всеми стояла рядом. Тамара Игнатьевна, воспитатели, повара, дворник... И все плачут. Тебя и сестру мою успокаивают. Только один Семён смеётся. А дед Иван-муковоз плачет и приговаривает: «А я прогонял её от лошади, не давал погладить и хлебушком покормить, без конца цыкал на неё.» Ты знаешь, как вообразила себя лежавшей в гробу и как потом старая буду лежать в сырой холодной земле и стану задыхаться без воздуха, что мне правда почудилось, будто там, в земле всё так и происходит со мной. Над могилой сомкнулся свет жизни, чёрная темень залепила глаза, я не вижу ни окон спальни, ни стен, ни кровати соседок, ни тебя, всё ушло из жизни, погасло, исчезло, как в бездну. Я тогда не слышала, не ощущала ни дыхания заснувших девочек, ни шороха, ни звука. Я не чувствовала своё тело, меня будто уже нет! Вот хочу подняться, да не могу – давит кто-то на грудь, и нет сил дышать, сознание потухает, меркнет. Исчезли улица, двор, дом, деревья, качели, столовая, все наши дети, воспитатели: я умерла...

– Брось, зачем ты всю эту дурь выдумала! – резко оборвала её Маша. – Нашла о чём мечтать, ненормальная, да?

– А что, тебе страшно слушать? – засмеялась Юля. – Может, я хочу стать артисткой. Это так здорово – играть других людей! Джульетту я бы сыграла очень правдиво! Так вот слушай, как было. Я вся содрогнулась в ужасе, меня стала бить лихорадка, не помнила, какая сила меня вытолкнула из постели. Я сорвала с себя одеяло, закричала на всю спальню, ведь в лапах смерти побывала. Не помню, что я кричала: «мама» или «Валя». Я выскочила из тёмной спальни, как из склепа, а вы будто уже все мёртвые, это у меня тоже пронеслось в голове, и побежала по тускло освещённому коридору в одной ночной рубашке. Мне так хотелось на волю, на воздух, к людям, к жизни. Потом ночная воспитательница остановила меня, а я плачу и не могу никак успокоиться. Кричу им: я к Вале, я к Вале – вырываюсь из их рук, как сумасшедшая; мне казалось, что с сестрой происходило то же самое, что и со мной, и Валя меня звала к себе, ей тоже там очень страшно. А вдвоём нам было бы хорошо. Напуганные моим бредом нянечки и воспитательница долго меня приводили в чувство. Как только напоили меня горячим чаем, так я сразу и успокоилась...

– А я и не слыхала про твои приключения! Давно это с тобой происходит? – спросила Маша, как взрослая.

– Всего один разочек, а вообще я придумываю себе роли принцесс, королев, здорово играть других исторических персонажей. Иногда мне кажется, я и в жизни играю кого-то, и смотрю на себя как бы со стороны. Это моё личное самое любимое кино, скорей бы вырасти и уехать отсюда. Я видела во сне, что плыла на большом белом теплоходе с большими иллюминаторами, и в один смотрел красивый парень в капитанской форме речника... Он машет мне рукой, а я притворяюсь, кому он так машет, оглядываюсь даже...

– А вот я почему-то очень редко запоминаю сны, а ты часто. Ни разу мать не видела. Давай летом в лагерь не поедем, а махнём на Урал!

Юля на это только посмеялась как-то озорно, блестя глазами, в которых вспыхивали бесенята... Так они шли и болтали по пути к Туземцевым... Валентина встретила девочек как всегда очень радушно. Она была довольна, что Юля, наконец, признала её своей сестрой, не забы-

вала навещать то одна, то с Машей. И она тоже была очень рада девочкам. С ходу усадила их за стол, налила в тарелки свежего борща, расспрашивала о школьных делах, о том, что нового в детдоме, состоялся ли концерт или смотр, который так ждали девочки, участвовавшие в художественной самодеятельности. Понимая, что Юле нет ничего слаще, как говорить о смотре, Валентина и на этот раз затронула ее любимую тему и осталась довольна, как Юля весьма словоохотливо, с полным откровением, до самых мелких подробностей рассказывала, что происходило на этом смотре. Как она удачно спела, заняв первое место среди вокалистов других детдомов и школ-интернатов.

В последнее время в свободные от занятий часы Юля подходила к пианино, садилась на вертящийся стул и в первое мгновение терялась: какую клавишу нажать, чтобы извлечь чудесный звук? И выбирала белую клавишу, которая под её пальчиком плавно опускалась; она надавливала следующую черную, потом ещё и ещё; чередовавшиеся звуки составляли какую-то мелодию, разлетающуюся по залу звонким эхом. И Юле было так приятно слушать рождающуюся под её пальцами музыку, что, казалось, она выходила у неё слаженная...

Теперь она со смехом передавала Валентине свои первые опыты игры на пианино и серьёзно заверила сестру, что когда-нибудь она всё равно научится играть хотя бы самые простые музыкальные пьески.

– Мне Тамара Игнатьевна уже даёт уроки музыки, – похвалилась Юля, сияя глазами. На этом разговор иссяк. Девочки значительно переглянулись: кто из них спросит, где останавливаются поезда дальнего следования?

– Так, – сказала Валя, вставая со стула. – А где там моя Света, вы во дворе её не видели?

– Она с мальчиком на песочке машинки катает. Мы её звали-звали, а она и ухом не ведет! – быстро ответила Маша, у которой под глазами рассыпались озорные веснушки.

– Ай, ты подумай, какая непослушница! Юля, сходи за ней, а я борща ей налью. Если не позовёшь, сама никогда не придет!

Через три минуты девочка привела всю испачканную сырым песком Свету. Валентина отвела её к умывальнику. Потом усадила за стол напротив девочек. Однако Света плохо ела, капризничала, мать чуть ли не насильно заставляла, при этом покрикивая на неё. А Света как будто и не слышала, знай, отгоняла ногами под столом кошку, тершущую об ноги девочек. Валентина повторила настойчиво. Дочь, услышав сердитый окрик матери, стала с неохотой есть. Потом с долей каприза изрекла:

– Я на улку хочу!

– Вот пока борщ и котлету не съешь, никуда не выпущу! – твердо сказала мать.

Света уже настолько привыкла к Юле и Маше, что относилась к ним почти безразлично. Правда, иногда заставляла Юлю поиграть с ней. Она любила играть со Светой в «больницу». Юля была врачом, а Света и большая кукла понарошку – больными, которых Юля-врач поочередно лечила: давала, вылепленные из кусочков белого хлеба таблетки, делала уколы, накладывала повязки, разные примочки. Словом, выполняла почти всё, что она наблюдала за лечащим врачом, когда кто-то болел из детдомовцев.

После того, как пообедали, Юля набралась духу, спросила:

– Валя, Ростов далеко?

– А зачем тебе Ростов, ты чего о нём спрашиваешь? – поинтересовалась сестра.

– Я на карте прочитала... далеко такой город? – Юля вовсе не врала, она действительно любила рассматривать карты. И по географии имела хорошие отметки.

– Да как тебе сказать. От нашего города – это примерно в сорока километрах.

– А в нём большие поезда останавливаются? В лагерь нас возили на поезде. Но я напрочь забыла: откуда мы уезжали к морю, может, с нашего вокзала?

– Не знаю, поезда дальнего следования останавливаются на каждой станции. А в Ростове тем более. Там самый главный вокзал – ворота Кавказа. И в Москву, и на Кавказ, и на Украину, всюду едут, – охотно пояснила Валентина, совершенно не подозревая, что замыслили девочки.

– Вот как хорошо! – захлопала в ладошки Юля. – И у нас, значит, тоже останавливаются на Москву?

– Я давно никуда не ездила. Вот скоро поеду к Семёну, могу тебя взять с собой, но ехать очень далеко. Хотя тебя туда не отпустят. Всё равно поедете в лагерь.

– Почему Семён не приезжает к тебе?

– Ему ещё рано домой! – она махнула рукой, не глядя на сестру. – Но меня и Свету зовёт... он так мечтал об этом Севере, что теперь нескоро оттуда выберется, – важно произнесла Валентина...

Глава шестая

В Ростове девочки очутились только в конце лета. До этого они отдыхали под Азовом в пионерском лагере, где им было очень интересно. Каждый день перед глазами – лазурное море. Раскаленный берег, тёплая ласковая вода, потом совершали экскурсии по древнему городу. Здесь они впервые узнали, как сам царь Пётр I не раз бывал тут и командовал строительством флота. А еще, как турки неоднократно нападали на Азов. А русские на своих бастионах стояли насмерть...

Ростовский вокзал, как огромный муравейник, кишел, бурлил многочисленными толпами напористых пассажиров. Девочки чуть-чуть не отстали друг от друга, затерявшись в этой огромной толчее. Они не знали, к кому тут можно обратиться за помощью, чтобы подсказали, на какой сесть поезд, который бы привёз их в Москву. Держась друг за дружку, подружки хотели пролезть к первому стоявшему длинному поезду. Но толпа была такая плотная, что они в ней застряли. Каким-то чудом очутились на свободном пятчке, огляделись: куда теперь пробираться? И только выбрали лазейку между людьми, как их окликнул откуда-то взявшийся милиционер:

– А ну, барышни, следуйте за мной, и убежать не вздумайте!

У беглянок от испуга даже подкосились ноги, они замерли, как неживые, впрочем, Маша быстро дёрнула Юлю за руку. Та мигом поняла – надо немедленно бежать, в густой толпе они быстро затеряются. И стали пятиться от милиционера.

– Куда, куда! Я кому сказал! Не бежать! Всё равно догоню, а ну вперёд проходите живо! – и как под конвоем повёл беглянок. Девочки шли понуро, боясь взглянуть друг на друга.

Вошли в большое шумное здание вокзала, пройдя среди ожидающих свои поезда пассажиров, он привёл их в комнату, где был ещё один милиционер. Этот полный. А первый молодой, стройный. Старший посадил их на кожаный диван. Осмотрел девочек и мягким тоном стал расспрашивать: кто они да откуда, почему одни на вокзале? Девочки молчали. Но милиционер, заложив руки за спину, не отступал, расхаживая неторопливо по комнате:

– Ну, так что, решили молчать, как партизанки? – спросил нестрого, поглядывая на девочек доброжелательно.

– Да что, товарищ капитан, сразу видно – беглянки! – отозвался молодой.

– Сержант, не торопись, мы побеседуем по душам, – он снова повернулся к девочкам. – Где ваши родители живут? Или вы их потеряли, с ними были?

– Да! – ответила Маша, глядя на полного милиционера с какой-то надеждой, что тот должен отпустить на их поиски.

– Так почему они вас бросили?

– Да врут они всё, а вы слушаете!

– Погоди, погоди, ну так, где они?

– В магазин пошли, а мы хотели наш поезд посмотреть, – ответила снова Маша.

– Говоришь, в магазине? Сейчас выясним! Сержант ступай: найди и приведи родителей, – строго повелел полный.

И сержант, с нарочито послушным видом, удалился. Капитан стал выжидательно расхаживать по комнате и важно глядеть себе под ноги, не упуская случая украдкой поглядывать на девочек, при этом стараясь понять их. Они в страхе притаились, ожидая возвращения сержанта, и боялись рассказывать всю правду. Капитан это чувствовал, но не торопил их с признанием. Сержант вернулся довольно скоро. Впрочем, он никуда и не ходил, а стоял за дверью, выждал там какое-то время и вошёл. Девочки разом глянули на него в безмолвном ожидании своего неминуемого разоблачения. Сержант держался очень уверенно, и девочки тесней прижались друг к другу, напустились в страхе.

– Ну, выкладывай? – обратился к нему наигранно бодро полный милиционер с одутловатым лицом.

– В магазине я расспросил всех, мне никто не ответил! Я же говорил, что они наврали, – нарочито произнёс сержант.

– Ну, что на это скажете, а? – и на каблуках резко повернулся к девочкам, отчего сапоги закрипели. – Сами расскажете?

– Мы без родителей, мы сами... – тихо пролепетала, Юля.

– Нехорошо врать. Так откуда вы, из какого города или хутора, или станицы?

– Из города мы! – помялись девочки, но ответили почти разом.

– Из города, а из какого?

– Из Новостроевского детдома... мы заблудились...

Милиционеры значительно переглянулись: им с самого начала это стало ясно, но хотели от них услышать.

– И куда вы бежать собрались?

– Вовсе и не бежать... нам в Москву надо... и ещё мою мать найти, – сказала Маша, чуть осмелев.

– Да что с ними разговаривать, вызовем машину, отправим, товарищ капитан. Там наверно с ног сбились, ищут их.

– Звони, сержант! – и снова к девочкам. – Что в столице хотели делать и чья же там мамаша живёт?

– Посмотреть... и мою мать найти на Урале, – а сама в страхе косилась на сержанта, звонившего по телефону.

– А кто знает о задуманной вами поездке? – спросил капитан с добрым толстым лицом. Он ещё раньше, как только сержант привёл их в дежурную комнату, по их одинаковым ситцевым платяцам и туфелькам определил, что они из детдома. Он по-отцовски в душе пожалел девочек, возжелавших побыть в столице. Или, правда, они пустились на поиски бросивших их родителей? Его взгляд выхватил свёрток, больше похожий на узелок из платочка, у девочки с длинной чёрной косой.

– Сержант, что у тебя? Подойди! – тот положил трубку на старый чёрный аппарат. Подошёл к капитану, что-то ему кивнул, а тот в свой черёд тихо сказал молодому милиционеру. Сержант в согласии закивал и улыбочиво, браво вышел...

...К побегу, девочки собрались сразу после завтрака. Вышли на улицу, где чаще всего ходили автобусы, сели. У Юли нашлась мелочь для оплаты за проезд. И в западной части на окраине города сошли. Потом остановили попутку. Когда легковая машина затормозила, девочки живо объяснили шофёру, что им надо срочно в Ростов к тётке.

В детдоме об исчезновении девочек спохватились только в обед. Обошли весь детдом – детей нигде не нашли, даже побывали на строившемся рядом доме. Сама Тамара Игнатьевна и воспитательница ходили к Валентине, которая была ошеломлена печальной новостью – так и упала на стул. Был воскресный день. После прибытия из лагеря Юля ещё не появлялась у сестры, а та думала: «Значит, ещё не приехали». Хотя уже был конец августа, пора вернуться с отдыха, а самой как-то всё было сходить недосуг. Она сама только вернулась из поездки к Семёну. Потом, придя в себя, Валентина живо припомнила разговор двухмесячной давности за обедом:

– Они у меня интересовались о поездках, спрашивали о Ростове, а я значения этому не придавала. Думала, из любопытства интересуются. А они вон что удумали...

Тамара Игнатьевна и воспитательница, больше не теряя ни минуты, заторопились воссия. Валентина отвела дочку соседке, а сама следом побежала в детдом...

...Сержант принёс беглянкам еду из вокзального ресторана. Но девочки стеснялись принять угощение: не двигаясь с места, они не знали, как им поступить. Хотя уже изрядно проголодались.

– Ну, давайте, давайте, смелей! – мягко просил полный милиционер, – решили ехать в такую даль, а есть стесняетесь?

– Мы не хотим, – робко ответила Юля за себя и Машу. Сержант принёс им ресторанный борщ и котлеты с картофельным гарниром, еда вкусно пахла. Он подвёл их за руки к столу, посадил, всучил по ложке, и девочки сразу начали есть. А милиционеры тихо сели на диван и стали ждать, пока беглянки поедят. И пока они так сидели, на столе задребезжал телефон. Сержант быстро встал, подошёл к аппарату. А потом пригласил капитана.

– Да, слушаю, – ему что-то говорили, он сосредоточенно слушал, затем взглянул на девочек. – Конечно, где же им быть, как не у нас. Отправим сейчас же, так точно! – с довольной улыбкой на лице он положил трубку...

Через час из Ростова на милицейской машине беглянки были доставлены в детдом Новостроевска. Впрочем, Юля и Маша ничуть не унывали, что их путешествие, по сути, не начавшись, закончилось для них так скоро и бесславно. И всё-таки они с удовольствием прокатились до Ростова на легковушке и на вокзале увидели множество поездов. Тогда они впервые без участия взрослых испытали увлекательную романтику путешествий, ощутив вкус к передвижениям на большие расстояния. И мечтали скорее вырасти, чтобы можно было пови-
дать самим неведомые доселе края...

Глава седьмая

Спустя четыре года под весну из мест заключений освободился Семён. Для Юли его приезд домой, конечно, явился страшной неожиданностью, так как про себя она иногда думала, что он уже никогда не вернётся. За все эти годы, пока он отбывал срок, она даже точно не помнила, был ли у неё с Валентиной разговор о Семёне. И спрашивала ли она сама о нём, чего Юлия не могла припомнить, впрочем, как и того, чтобы и сестра о нём затевала разговор, а если и затевала когда-либо, то почему-то у неё всё напрочь вылетело из головы. Зато хорошо помнила, что временами ощущала в квартире какое-то незримое его присутствие. Наверное, это происходило потому, что он смотрел на неё с висевших на стене фотографий. И они оживляли в ней давно запавшее в душу мрачное о нём впечатление.

С того времени она никогда не спрашивала у сестры: надолго ли он уехал? Главное, она его не видела и за это была спокойна; а на фотки уже не обращала внимания. Да и время постепенно вытеснило из памяти его живой образ, тогда как фотографический – был уже как бы не в счёт. И всё-таки было бы совсем замечательно, если бы он и с них не смотрел на неё – дали бы ей волю, она бы их все поснимала. И вот как-то раз она пришла и не увидела ни одной, Валентина перехватила её изумлённый взгляд и сказала, что сняла фотографии потому, что они уже вышли из моды. А Юлия подумала, что сестра догадалась, как ей отвратительно смотреть на Семёна, вот и решила сделать приятное исключение ради её душевного спокойствия. И с того времени она совсем забыла о существовании Семёна...

Первый месяц Юлия надолго не оставалась у Валентины, так как присутствие Семёна её во всём стесняло. Хотя он уже не казался ей таким грозным, каким узнала в раннем детстве. И Семён в свой черёд тоже встретился с Юлей довольно благожелательно. Для него её появление на третий день по его возвращении отнюдь не явилось неожиданностью, так как почти был уверен: жена ни при каких обстоятельствах не бросит Юлю на произвол судьбы, несмотря на его угрозы. Когда Семён увидел девушку, он немало удивился не тому, что она приходила сюда, как к себе домой, а тому, что перед ним была не шестилетняя девочка, а уже почти взрослая барышня. Он даже не сразу признал её, поначалу ему показалось, что это другая девушка. А когда понял, что это не кто-нибудь, а она, ему пришлось скрыть своё сильное изумление. Семён украдкой посмотрел на жену, опекавшую все эти годы Юлю. В переписке она, конечно, нарочно не упоминала о ней, чтобы не растревлять его душу. И продолжала хитрить, да и он сам забыл о её существовании. До девочки ли ему было в эти проклятые годы отбывания срока? Хотя первое время не выходила из головы, так как всерьёз полагал, что только из-за неё попал в заключение. Впрочем, так хотелось думать тогда, а если разобраться, так она и вовсе ни при чём.

Время не пощадило, состарило Семёна раньше положенного срока, тогда как она поразила его своей юной красотой, какой взрослый вид приобрела! «Да, зацвела ранняя ягодка, – про себя произнёс он, кося на неё блудливый взор. – Какая фигура, какая крепкая дева! Уже сейчас она полна соблазном, вон как упруго выпирают груди, яблочками наливаются, а прежде того, кому они достанутся, сам их отведаю!» В её голубоватых с синим налётом глазах он находил нечто диковатое и упрямое. По всему было видно – своенравная, в её волнующей невестомой, лёгкой стати, в красивом лице столько очарования, что готов отдать ей всё, чем был богат...

Однако Юлия ещё не подозревала, что своей красотой привлекала к себе внимание даже немолодых мужчин. Если бы ей об этом сказали, она бы не на шутку рассердилась, приняв это как оскорбление и посчитав, что над ней просто все смеются.

– Ишь, ты, мать твою, какая красавица! Как выросла! – хриловатым голосом воскликнул Семён, скрашивая свои эмоции шутливым тоном. Валентина не ждала от него такой открытой

реакции, что почти было чуждо его замкнутому характеру. И она опасалась: как бы между ними не началась новая вражда из-за Юли, которая восприняла восклицание Семёна с выступившим на щеках румянцем. Она при нём стеснялась и не знала, как себя держать. Опустила голову, хотя его комплимент застрял в её сознании и Семён показался ей другим, не таким страшным, каким запомнился с детства.

– Чего мне не писала о ней? – повернулся он к жене, и сказал это только с той единственной целью, чтобы разрядить обстановку. Ведь он видел как изменилась в лице жена, когда вошла к ним Юля, ещё не знавшая о его возвращении. Впрочем, она даже не ведала, что он отбывал наказание. Семён хотел дать понять, что теперь он не тот нелюдимец и очень рад лицезреть сестрёнку. – А то бы я привёз и ей подарок! – охотно прибавил он, почувствовав вдруг к своему удивлению доброе расположение к Юле.

Семён, между прочим, с первого дня своего возвращения присматривался к поведению жены. Он надеялся найти в её взгляде хотя бы то небольшое, что дало бы понять: как же она жила тут в его отсутствие? Сохраняла ли ему супружескую верность? И вот, увидев Юлю, он немного успокоился: «Нет, при ней она не могла, если только сестрёнка тут жила. Дочь говорила, что жила. А может, её так мать научила отвечать? Всё равно, если даже Юлька была с ней, могла гульнуть на стороне. Правда, бабы тоже бывают разные, не угадаешь, на что какая способна. Одна будет тихая, а в два счёта изменит, а вот бойкая останется верна. Да, шесть лет терпеть здоровой бабе, понятное дело, тяжело... А если и было что, то простить, не видел и не знаю? Но рано или поздно знакомые должны проговориться». Однако мысль о возможной измене жены была крайне неприятна, она всего корбила, воспаляла душу жгучей ревностью, что волей-неволей надо было терпеть. Странно было вспоминать, что ему, лишённому жизненных усад в зоне об этом так остро, как сейчас, не думалось...

Уже заканчивала третий класс дочь Света, которая почти всем обликом удалась в отца. По мере её взросления черты Семёна обозначались и в форме носа, и вырезе губ, и в разрезе глаз, только у дочери они были зеленоватые. Семён привёз подарков больше дочери, чем жене, как бы этим самым мстя ей за все свои неисчислимые страдания...

На повторный вопрос отца Света опять изрекла, что Юля у них жила. Просто она считала: поскольку она к ним часто приходила, а иногда оставалась ночевать, особенно в последние годы, значит жила. Но когда он понял, что Юля всё же находится в детдоме (собственно, об этом он сообразил тотчас же, как она убежала от них), Семён не стал ловить жену на её же не сдержанном слове, наоборот, он был очень доволен, что она насовсем не забрала её из детдома. Значит, жена соблюдала его наказ; его давнее грозное предупреждение. Это обстоятельство позволило ослабить струны ревности, сняло острое подозрение в её неверности. И режущая боль под сердцем малость улеглась...

Время залечивает обиды и раны. Теперь о Семёне Юля думала по-новому, так как он сам приглашал, чтобы приходила к ним чаще в гости. Он охотно с ней говорил об учёбе и даже был ласков. И Юля верила, что с его стороны это вполне искренне. Она не придавала большого значения тому, что Семён так подбостростно вёл себя с ней почему-то только в отсутствие сестры, а при Валентине – сдержанно, даже с намеренным холодком. Однако произошедшие в нём перемены для Юли были очевидны, прежде всего, он заметно постарел, оплешивел, руки все в тёмных наколках, от вида которых становилось как-то не по себе. Но, кажется, остался всё тот же острый, сверлящий взгляд серых глаз. Живота почти не было, хотя и не скажешь, что Семён был худой. На сухощавом лице возле глаз и рта легли глубокие морщины, и нос слегка приплюснут.

Юля величала его Семёном Ивановичем, а он снисходительно и ласково, с долей насмешки называл её сестрёнкой. И в этом она не видела ничего фамильярного. Иногда она замечала в его глазах что-то располагающе доброе. И если что говорил, то всегда чего-то как бы нарочно не досказывал, выражая лишь взглядом. Но его намеки она не понимала, отчего

её охватывало недоумение и лёгкая тревога. Особенно, если слышались его странные нотки неопределённого сочувствия за своё прошлое, что по отношению к ней был несправедлив, в чём искренне раскаивался. И потом начинал выпрашивать, что она любит, что больше всего ей нравится. Но его расспросы ставили её в тупик, и она не знала, как и что ему отвечать. Впрочем, он немало её удивлял своим неестественно повышенным к ней вниманием. Ведь она никогда сама не вступала с ним в разговор, чувствуя себя при нём по-прежнему неловко. Тем не менее, на его вопросы она отвечала достаточно сдержанно, немногословно, только бы он поскорей отстал от неё. Иной раз дело доходило уже до того, что она не могла терпеть его рядом, очень тяготилась. Это происходило в тех случаях, когда Валентина отлучалась в магазин. И всякий раз из таких щекотливых ситуаций её выручала Света, прибегавшая позвать её помочь решить задачку. Словом, при нём Юлия испытывала смутное, тревожащее её, не проходящее душевное угнетение. И тогда она брала в руки книгу и углублялась в чтение, хотя сама искала повод поскорей исчезнуть. И могла несколько дней вообще не появляться у сестры, а потом приходила, когда Семён уходил на смену.

Глава восьмая

Семён Туземцев всегда любил рыбалку, а теперь так пристрастился, что не пропускал ни одного выходного дня отдохнуть на вольной природе и вдоволь порыбачить...

Жизнь с Валентиной у них потекла своим чередом. Семён, однако, в своих привычках не изменился: по-прежнему был скуповат, что сказано даже мягко; он считал почти каждую копейку, которую тратила жена из его денег, и даже вёл учёт её личной зарплаты, и то, как она ею распоряжалась, из-за чего супруги порой крепко ссорились. Работал он опять на том же своём «молокане». В последнее время он так тесно привязался к дочери, что даже интересовался её школьными делами, в чём значительно потеснил жену. Впрочем, Валентина с радостью уступила ему свою обязанность, и она без ревности видела, как Света тоже открыто тянулась к отцу, и между ними установились почти дружеские отношения. Семён единственно не жалел денег как на маленькие, так и большие прихоти дочери. Эту отцовскую любовь она умело использовала в своих целях, проявив тем самым раннюю расчётливость ума.

Когда жена просила у него денег, он сначала спрашивал: на что надо, и только тогда давал, а потом проверял покупку. Вот поэтому, если Валентина покупала не то, на что просила деньги, Семён неизменно поднимал скандал, а жена, не признавая свою вину, защищалась, что купила как раз то, что у людей давно есть. И очень плохо, что муж не хочет идти со временем в ногу. И только благодаря Свете, не желавшей между «предками» ссор, вступалась за мать, которая умудрялась обмануть отца какой-нибудь покупкой. И Семён, под влиянием дочери, быстро успокаивался, будто она оказывала на отца магическое действие.

Сначала Семён брал с собой на рыбалку только Свету. У Валентины это стало вызывать почти открытую зависть. Видя, что муж даже из вежливости её не приглашает, ей тоже вдруг захотелось отдохнуть на природе. И однажды как бы шутя жена обронила:

– А чего это ради ты меня не зовёшь на рыбалку, а всё Свету да Свету, а может мы с Юлей тоже хотим лещей ловить? – и её слова решили дальнейшую судьбу рыбалок.

И в следующие выходные они поехали вместе. Валентина, стремившаяся во всём не отставать от людей, однажды вполне серьёзно взяла удочку. Семён показал, как надо насаживать на крючок наживку, в каком положении должен стоять на воде поплавок, и Валентина, присмирив чуть в стороне от мужа, стала ждать поклёвки. Высидела почти час, и поплавок ушёл под воду; она лихо подсекла по примеру Семёна и вытащила окуня с ладонь. Эта удача её настолько окрылила, что с того раза почувствовала вкус к рыбалке. Удача и после её не оставляла.

В это лето Юлия только всего месяц провела в лагере труда и отдыха; на второй срок она не захотела остаться, и месяц прожила у Туземцевых. Так пожелал не только Семён, но и сама Юлия. Ведь до сих пор в лагерь ездила каждое лето, а теперь считала себя уже вполне взрослой, чтобы вместе с детьми проводить лето. Хотя в лагере никогда скучно не было. Часто детдомовцы помогали убирать в колхозе разные овощи и фрукты, так что скучать не приходилось...

Зато Света в то лето впервые поехала в пионерлагерь, о путёвке для дочери похлопотал Семён. Он сам посадил её на автобус и пришёл домой счастливый, принялся собираться под вечер на рыбалку. Иногда с женой он ездил на рыбалку с ночевкой; но больше предпочитал сам, вот как намеревался сейчас, ведь Валентина от такого удовольствия на этот раз отказалась из-за домашних дел... И тогда он многозначительно посматривал на Юлю, которая почему-то краснела и уходила читать книгу...

В очередные выходные Валентина не смогла поехать на рыбалку по той причине, что настала горячая пора заготовок на зиму разных солений, фруктовых компотов, варений. И Юлю тоже хотела подключить к своей работе. Вдвоём бы у них дело пошло намного быстрее, а вечером сходили бы в кино.

Семён, между прочим, уже отвык в одиночку ездить на рыбалку, и вот он ходил по комнате мимо Юли и не знал, как подступиться к ней, чтобы пригласить её на природу. В такие минуты он был неузнаваем, словно чем-то оглушённый. Но Юлия по-своему истолковывала его состояние души, она видела, как он крутился возле неё, и почувствовала его внутренний зов. Она и сама хотела побыть на природе, ведь стоял жаркий июль, а искупаться так охота. И плавать она уже давно научилась. Недавно она ездила на рыбалку с Валентиной и племянницей, и без них ни за что бы с Семёном не поехала. Неожиданно на неё нашла бесшабашная смелость, чего раньше за ней не наблюдалось, и она сама вызвалась поехать с ним. Юлия видела, как после этого Семён оживился, повеселел, стал энергично укладывать в рюкзак рыбацкое снаряжение и пропитание, словно собирался там провести с ней всю неделю. Но девушка была против ночёвки, о чем сразу ему сказала. Она пошла предупредить Валю, что едет на рыбалку; а ей поможет в другой раз. Валентина только развела руками: «Ну что же сама изволила поехать – пускай порыбачит».

– Но только без ночёвки! – строго сказала она, испытав даже нечто вроде ревности, что сестра оставляет её в такой ответственный момент.

– Я уже об этом сказала Семёну Ивановичу! – самолюбиво заметила Юлия. – Если надо – сама приеду, дорогу знаю!

Выехали автобусом первым рейсом, солнце ещё не выглянуло из-за горизонта. До восхода оставалось больше часа. В это раннее время было тепло. В станции Заплавской сошли и пошагали до реки пешком. Юлия была в спортивном трико и красной футболке; сестра дала ей от солнца тёмные очки, привезённые Семёном в подарок жене. Минут через двадцать были уже на месте.

На поросшем густой зелёной травой бережку, среди какого-то кустарника, Семён облюбовал для рыбалки местечко. Хотя раньше здесь они не бывали. В этом месте река была неширокая, что вполне можно купаться. В прошлые разы они со Светкой уходили по течению реки значительно ниже, где она распаивалась во всю свою красу. Там и моторные лодки сновали туда-сюда, что Семёну не нравилось, они создавали лишний шум. Хотя как раз это обстоятельство рыбакам было как бы на руку, так как распуганная рёвом моторок рыба, устремлялась ближе к побережью, где было значительно мельче, отчего иной раз начиналась шальная поклевка...

Пока рыбак подготавливал свои удочки, разматывал донки (всё это он проделывал молча, деловито), Юлия медленно расхаживала по бережку, глядя на воду, которая, казалось, будто застыла, враз загустев, словно покрывшись серо-зелёной плёнкой. Семёну очень хотелось, чтобы она догадалась прийти ему на помощь, а сам остерегался просить её о таком одолжении. А Юлия тем временем удалилась по зелёному берегу, выбирая себе место для загорания и купания. Она прихватила из библиотеки своего зятя книгу о разведчиках. Он сам посоветовал взять именно эту. Семён брал книгу и на работу, и на рыбалку.

В этот ранний утренний час кругом было так тихо, что казалось, природа прислушивалась сама к себе. И поблизости – ни одной души, только где-то в ясном голубом небе заливался звонко жаворонок, да стрекотали отрывисто, в ползвука кузнечики. Природа постепенно наполнялась своей жизнью, звуками. Ещё когда Юлия шла сюда, с не очень крутого берега в тихую гладь серо-зелёной воды прыгали лягушки, иногда почти из-под ног и пугали её. Они издавали лёгкие позванивающие всплески и на воде возникали плавные круги, которые веерно множились в разные стороны, пока снова не смыкались в тусклое зеркальное полотно, скрывая таинственную глубину воды. И вот на повороте реки кое-где на воду уже легли первые солнечные блики и засверкали, как разбитые осколки зеркал.

Юлия дошла до свободного от кустарников местечка: тут и камыши почти не росли. Она обернулась, мысленно прикидывая: далеко ли ушла от Семёна? Впрочем, метров за сто. Тут было уже солнце, а там, где был он, ещё хозяйничал утренний сумрак, и она решила обосно-

ваться подальше от него. Но надо было вернуться: взять очки, книгу и предупредить Семёна о том, где она будет отдыхать. Теперь она безмерно пожалела, что этого не сделала сразу. И она пошла. Семён уже забросил в воду удочки. В метрах четырёх от берега на воде, выстроившись в ряд, стручками перчиков краснели поплавки. Бамбуковые удилища, поставленные им на воткнутые специальные рогульки, большей частью висели над водой. Потом он устанавливал донки. К этому времени солнце появилось и здесь, едва оторвавшись от земли: лучи уже скользили как бы поверху, местами золотя речную гладь. Прибрежные кусты прикрывали рыбака от горячих и ярких лучей, так что Семён стоял в тени, которая падала на воду от края берега. Возле воды свежо пахло тиной. Шелковистая густая, устилавшая пологий берег реки, трава после ночи была обильно покрыта росой, и в тех местах, где сквозь листву кустарников выбивались яркие лучи солнца, она искрила, слепя глаза. В это время Юля доставала вещи из своей полотняной сумочки. Можно было взять и её, но что тогда подумал бы Семён: она пренебрегает его компанией, уходит от него восвояси?

– Ты куда собираешься? – именно этих слов его она и боялась услышать и робко, как-то растерянно повернулась на хрипловатый голос Семёна, коротко взглянув исподлобья в его сторону:

– Там место есть хорошее, я туда пойду, мне не хочется вам мешать. Из меня хорошая рыбачка не выйдет, я не Валя, – произнесла Юля, несколько волнуясь, почти не глядя на него, а куда-то в сторону. Семён с сожалением смотрел на девушку и не знал, как заставить её быть рядом с ним. За всё время ему так и не удалось приблизить Юлю к себе и установить духовный контакт.

Своим грубоватым голосом он всегда, вероятно, отпугивал её от себя. И тогда, чтобы как-то исправить положение, он заговорил намного мягче, душевней. Но это ему давалось довольно трудно, так как свойства его души были для такого общения не подходящими...

– А что, разве ты мне мешаешь? Сиди, читай, если стесняешься быть рядом – места вон сколько, – обвёл он рукой вблизи себя, лукаво посматривая на девушку, и чуть заискивая, добавил. – Или ты хочешь купаться?

– Ещё рано – вода прохладная. Я лучше пойду читать..., – она постеснялась сказать, что хочет позагорать под тёплыми утренними лучами. В лагере они всегда загорали в ранние часы, когда солнце ещё не так сильно припекало. Неужели Семён не может догадаться о её желании?

– Что же мы будем порознь? – и метнул в неё почти свирепый ревнивый взгляд, забыв о всякой осторожности. – Ты мне вовсе не помеха, что же мне – с рыбой разговаривать, – и заискивающе улыбнулся: – Иди ко мне ближе, садись и читай вслух! – и тотчас перевёл взгляд на ровно стоявшие поплавки. – В его голосе Юле всё отчётливее слышались тёплые нотки, и ей становилось его жалко оттого, что может ненароком обидеть.

– Я вслух не умею, а то начну запинаться и растеряюсь, – простодушно пояснила Юля.

Вдруг у крайней удочки началась поклёвка – поплавок играючи задёрнулся, как в лихорадке. И его неумолимо потянуло под воду. Семён осторожно снял с рогульки удилище и стал подтягивать к берегу, расширив глаза в сладком предчувствии удачи.

– Возьми сачок! – как можно тише попросил Юлю. Но она растерялась, забежала глазами вокруг себя, никак не могла отыскать его, а Семён всё шёпотом. – Да вон же лежит на траве, правей, правей, эх, слепая мать твою! – Семён подтягивал осторожными движениями, уже нервничал, боясь упустить добычу. Задрал высоко удилище над головой, начал торопливей подтягивать ближе к берегу. Но Юлина нерасторопность уже выводила его из себя, и он перешёл на окрик. Его охватил безудержный азарт рыболова, он кричал на девушку, которая совсем растерялась. – Ну чего, давай же мать твою! Чего мечешься, вон же лежит! – указывал движением головы.

Наконец Юлия заметила сак, легко подбежала, схватила обеими руками, боясь, что он, как рыба, выпрыгнет в воду.

– Сама давай! – разъярённо выкрикнул рыбак, видя как она застыла, ожидая его команду. Между тем у Юли в душе поднялось возмущение: почему он так кричит на неё, он не имеет права ей грубить! И чего ради так распалить себя, совсем помешался на рыбалке! Однако она и сама почувствовала, как азарт Семёна передался и ей. Дрожащей рукой опустила сак в воду, где билась крупная рыба.

– Зачёрпывай, зачёрпывай, мать твою так! – и вскоре вытащили крупного сазана. Семён отбросил удище на траву, выхватил у Юли сачок, чуть не сбив её с ног. Пока вытаскивал улов, он весь взмок и покраснелся, как после парной баньки.

– Вот смотри, какой красавец! А ты уйти хотела! – с охрипом выкрикнул Семён, восхищённый удачей. Он посмотрел на остальные поплавки: один, кажется, дёрнулся и застыл. Семён напрягся в ожидании, нащупывая в кармане брюк папиросы и спички. Не сводя с поплавков глаз, закуривал, пыхая дымом. Но поплавки больше не дёргались, на воде царило спокойствие. Он попыхивал папиросой, одаривая Юлю самой щедрой улыбкой, на какую был способен, при этом вытирая влажной ладонью мокрый лоб. Потом уселся на измятой сухой траве, вытащив из пачки вторую папиросу, дунул в неё, помял жёсткими пальцами и подкурил от выкуренной первой.

– Что бы я без тебя делал, какую удачу ты мне послала! – сказал он, дымя папиросой в сторону поплавков.

Юля прониклась боязливым уважением к Семёну, села неподалёку на старую корягу, надела очки и стала читать. Она ощущала на себе его колючий взгляд, отчего невольно отводила лицо в сторону. Теперь, когда радость первой удачи от улова была позади, он успокоился и не мешал ей читать, будто её тут вовсе не было. «Не хочет со мной рядышком сидеть, – думал он про себя, наблюдая за поплавками, стоявшими в одну линию в одном и том же застывшем положении, что его стало огорчать, и он косил на Юлю осторожный взгляд. – Рыбалка не интересна ей, такого сазана вытащили... Светка сейчас бы прыгала, ликовала от радости... а эта даже не моргнёт, вся серьёзная или стесняется, или брезгает мной. Ну, а тогда чего поехала? Ну, ладно, читай, читай!» Семён поставил локти на колени, выплюнул окурок, приняв задумчивый вид. Потом поглядывал на поплавки: «Проклятый... какой-то лихоман один зацепился и шабаш», – с огорчением изрёк про себя. И задрал голову к голубому небу: в его глубине заметил стоявшее неподвижно маленькое белое облачко. Над ухом резко зазвенел комар, он нервно отмахнулся от него. Но комар вновь, словно с ним играя, тонким занудным звоном приблизился к самому уху. Он резко качнул головой и ладошкой шлёпнул по щеке. Комар размазался по пальцу. Семён вытер его о траву. В камышах слышны были голоса птиц, они то отдалялись, то приближались вместе с шорохом ветерка в камышах.

– Перестала клевать, что на это скажешь? – обратился к Юле, которая недовольно посмотрела на него: «Чего отрываешь от книги?» – было в её взгляде. – Поклёва, говорю, неужели не будет, как ты считаешь, сестрёнка?

– Нашли у кого спросить, я в рыбалке не смыслю! – неохотно отозвалась она и опять уткнулась в страницу, предчувствуя, что этим разговор не закончится. Семёну стало скучно, вот и хочет с ней поболтать. А в его тоне была слышна затаённая игра слов.

– Ты чего такая невесёлая?

– С чего вы взяли, Семён Иванович?

– Да зови уж Семёном, что там, – а сам хитро прищурил глаза, изучающее разглядывал её.

– Вы мне в отцы годитесь – не могу.

– Так уж и в отцы? – удивлённо протянул он, поднимая и опуская плечи.

Солнечные лучи уже горячо касались её спины, под майкой стало липко, мокро от пота. Она видела, как Семён зачем-то не спеша встал, отвернулся от поплавков. Теперь, когда не клевало, он потерял интерес к рыбалке. Стоял спиной к реке, а лицом к ней в расслабленной позе.

– Эти очки тебе очень идут! – лестно заметил он.

– Что вы сказали, Семён Иванович? – не расслышала она.

– Я говорю, очки к лицу! – он сделал странное движение к ней. – Хочешь такие куплю, книга нравится – дарю! – а сам всё ближе, ближе.

Юля доверчиво склонила голову набок, с аккуратно зачёсанными по середине на пробор волосами. По мере его приближения она смотрела на него сквозь тёмные очки. Ей подумалось, что точно так же кот подкрадывается к воробьям, и эта мысль обидно корябнула по сердцу. Семён между тем уселся рядом с ней.

– Ну, чего молчишь? – спросил своим хриплым голосом.

– Вы думаете, я знаю, чего вы хотите? – удивлённо спросила она.

– Я в долгу перед тобой, – начал он снова. – Скажи, что желаешь, всё сделаю для тебя! – продолжал вкрадчиво он.

– Вы посмотрите, может уже клюёт? – хотела отвлечь своей заботой о его поплавках, чтобы он только отстал, но не тут-то было:

– Клёв уже отошёл – подождём следующего!

– Вы мне ничего не должны! – напомнила она.

– Должен, ещё как должен! – подхватил он, видя, что ей интересен такой разговор. – Будь умницей, подумай хорошо!

– Вы меня не уговаривайте, мне думать нечего!

– Какая у тебя коса! – он медленно, слегка провёл по волосам, заплетённым в тугую косу. Волосы цеплялись за его шершавую, как напильник, ладонь. – К такой чудесной косе подойдёт голубая заколка, как твои глаза, – закончил он, пропуская её слова мимо ушей. Юля в испуге привскочила от его оскорбительного и неприятного для неё прикосновения.

– Что вы делаете? – громко воскликнула она.

– Да что я сделал такого? – он опешил от её возмущения.

– Не прикасайтесь ко мне! – отчеканила твёрдо.

– Не буду, не буду! О, какая недотрога! – однако её неприязненный тон и её колючий, пронзительный взгляд зацепил Семёна. Он выжидательно взирал на неё и вместе с тем любовался ею. В голове у него роились старые обиды, он всегда считал, что из-за неё поломались все его планы, и потом пришлось нести тяжкий крест. Эта девчонка некогда перевернула всю его жизнь: испоганила, отравила ему всё существование. Да, это она разлучила с семьёй на долгие годы. И сейчас сидит и строит из себя недотрогу. А ведь понимает всё, что ей говорил.

Разумеется, Юля очень хотела иметь красивые вещи, но как она могла так прямо сказать об этом Семёну. Она боялась ему признаться о своём естественном желании, несмотря даже на то, что он сам готов одарить по первому её слову. Но что за всем этим стояло, она решительно не представляла. Сколько они с Машей переговаривали вечеров на тему нарядов, и как только не мечтали о красивых вещах! Но для них это пока – несбывшийся сон.

Под его пристальным взглядом Юля потерялась, уйдя в глубь себя. Может, ничего нет плохого в том, что он намерен сделать ей подарки; может, он от чистого сердца хочет сделать ей приятное? Если она даже согласится, то что в этом плохого, ведь сестра ей иногда покупает вещи, пусть и он. Искушение иметь хорошие наряды – было очень велико. На мгновение она даже представила, как войдёт в детдом в доселе не виданном платье, и на неё с восхищением уставятся девчонки...

– Интересно, зачем вам тратить деньги мне на подарки? – спросила она. – Вы можете это делать успешно для своей дочери!

– А что же, разве ей не делаю? Делаю. Да и ты... чтобы ты была самая красивая! – Семён просиял в улыбке. – Я тебе это обещаю! Но ты должна... как тебе сказать, – он нервно завращал глазами, в поисках слова.

– Вы шутите? – почти выкрикнула она, вскинув голову, охваченная безотчётным страхом: брови взметнулись вверх.

– Мне совсем не до шуток! Я хочу тебя поцеловать... – Семён почувствовал, как сильно бьётся его сердце, и в глазах мутнело.

– Поцеловать? Зачем? – она видела, как он всегда целовал Светку, как она руками оплетала его крепкую загорелую шею. Иногда завидовала: был бы и у неё отец, он бы тоже так ласкал её. Сейчас он молчал, а Юлия сама не знала, как у неё вырвалось: – Только сюда можно, – указывая при этом пальчиком несмело на свою щёку. Однако вместо того, чтобы ограничиться тем, что разрешила она, Семён обхватил её руками, не помня, что творит, повалил девушку на спину, впиваясь прокуренным ртом в свежие, пахнувшие детством губы. Он вконец обезумел, зажав её своими ножищами в кирзовых сапогах, не давая ей вырваться. Тогда она пустила в ход свои руки, отчаянно отбиваясь: била его по роже, царапалась, кусалась. С его плешивой головы слетела соломенная шляпа и покатилась к воде. Юлия вцепилась ему в короткие полуседые волосы.

Он был разъярён её сопротивлением, как бешеный зверь; казалось, он разорвёт её на части, тяжело дыша, и задыхаясь. Юлия стала отчаянно кричать тонким пронзительным голосом. Он пытался её успокоить: обзывал, приглушенно кричал на неё, хрипел, переходя на шёпот; уговаривал сдаться. Но она продолжала кричать, колотя рукой по его красной морде. Семён придавил её руку, зажал ей рот своей грязной жёсткой ладонью. Юлия, однако, вырвала свои руки и так огрела его кулаком по носу, что он замер, поняв всю меру своего гнусного поступка. Резко вскочил на ноги, глядя на девушку, как на раздавленный прекрасный цветок на дороге. Потом быстро завращал головой во все стороны, боясь, как бы кто-нибудь не услышал её крика, и мог уже мчаться сюда... Юлия, вся обессиленная от неравной борьбы, продолжала лежать на траве, поджав под себя ноги, обхватив лицо ладонями, содрогаясь исступлённо, горько рыдала, испытывая приступы тошноты.

Семён надел шляпу, провёл ладонью по горевшему лицу: увидев на пальцах капельки крови, обозвал её про себя самыми грязными словами. Семён как ни в чём ни бывало продолжал рыбалить, а Юлия встала и начала собираться в дорогу. Увидев это, Семён повернул к ней голову:

– Ты куда? Вместе пойдём! Вот только посмей уйти, – пригрозил он.

Юлия не ответила, взяла свою сумку и стала подниматься на зелёный бугорок.

– Постой! – закричал он. Но Юлия и не думала останавливаться.

– Я богом прошу – останься! – почти жалобно выдохнул Семён. Такого тона она от него раньше не слышала. Юлия исподлобья, диковато оглянувшись на него и с отвращением отвернувшись в сторону станицы, лежавшей на отлогом вытянувшемся холме вдоль бескрайнего займища.

– Нет, я пойду! – отчеканила она и зашагала.

– Останься, прошу последний раз, я не трону тебя! Прости, не хотел. Чёрт попутал!

Юлия поняла – он не на шутку боится её, какой жалкий, мерзкий тип, и пошла дальше. Однако позади себя она услышала его тяжёлое ухающее дыхание зверя, гнавшегося за ней, но теперь страх прошёл. Он нагнал её. Взял за руку, Юлия отдёрнула её.

– Не надо мне от вас подарков! – непреклонно ответила она.

– Ладно, ладно, там посмотрим, а пока не уходи, – огонёк надежды блеснул и погас в его серых глазах, мол, она простит его. – Туда иди, куда сама хотела, уже жарко – искупайся!

Юлия подняла на него испытывающий взгляд прелестных тёмно-голубых глаз. Семён отступил: он чутьём понял – она смирилась, теперь не уйдёт без него. И правда, Юлия погасала по берегу и скрылась в лучах палящего солнца за ближайшим кустарником.

Собственно, теперь ему было не до рыбалки. Он не знал: клевало или не клевало. Впрочем, поплавки плавно покачивались на воде, где уже шли мелкие волны. Он проклинал себя за проявленную минутную слабость: на что покусился с ходу, когда надо было не так, прежде купил бы подарок, она бы приняла. В общем, следовало постепенно её приручать к себе...

Вдруг ему захотелось пойти да последить за ней: на месте ли она, а может сбежала, перехитрила его? И Семён осторожно пошёл по тропинке над самым берегом. А по пути пришла догадка предупредить её, чтобы дома молчала перед женой. Где же она, лихорадочно думал он, куда спряталась? Ему казалось, он шёл долго, а её всё нет. Вот бережковая полянка, тут она и должна быть. Он завертел вокруг себя головой, смотрел во все глаза. «Убежала... стерва», – грязно выругался Семён.

Тем временем Юля, пригнувшись до земли, сидела за кустом, обхватив руками ноги, и все еще не могла прийти в себя, неусыпно глядя на идущую возле берега тропинку. Она вовремя заметила приближение Семёна. У неё в страхе сжалось сердце: что он ещё такое надумал? Потом его понесло, как ветром; он помчался на своё место. Юля и не думала купаться, еле приходя в себя оттого, что могло с ней недавно произойти. Зачем она только дала ему согласие поехать на эту рыбалку. Лучше бы сама пошла на городской пляж. Юля испытывала в душе горькую обиду: «Подлец, как он унизил, растоптал мою честь!»

А Семён прибежал к удочкам, стал по одной снимать и сматывать, разбирать удилища. Вытащил донки – на одной оказался большой линёк. Пришлось повозиться. Всё это заняло на сборы какое-то время. Юля забыла, как они шли сюда. Какой дорогой? Она выбралась на какое-то зелёное поле и пошла подальше от реки. На этот крюк ушло больше времени, нежели Семёну, который шёл берегом со всем своим рыбацким снаряжением.

Когда Юля вышла, наконец, на укатанную грунтовую дорогу, впереди увидела знакомую фигуру Семёна. Она продолжала свой путь. Он шагал уверенно, не оборачиваясь, шагал довольно скоро, слегка расставив ноги с рюкзаком за плечами и со связкой удилиц в правой руке. По знойной дороге – ни одной машины, а солнце нещадно палило, хотелось ужасно пить, она вся вспотела.

Семён встретил Юлю в станице Заплавской и несказанно обрадовался, отчего у него восхищенно расширились глаза. Какой он болван, чего гнался за ней, тогда как она никуда не уходила!? Наверное, пришла к тому месту рыбалки, а его черти съели... Автобус или любую машину ждали молча. В данном случае ей было всё равно какой транспорт подойдёт первый. Возле станичного продмага было не оченьлюдно.

– Ты это – того... смотри... Вальке не выболтай, не хотел я... так вышло, дьявол искусил! – он метнул на Юлю короткий впивающийся взгляд. В продолжение следующего времени Семён был хмурым и как будто чем-то подавлен. Юля с каким-то твёрдым упорством глядела в одну точку. Семён сидел на камне, а она стояла значительно ближе к дороге и беспрестанно смотрела на неё невидящими глазами, обращёнными в себя. Зря он её предупреждал, лучше бы молчал, потому что в ней только окреп протест после его трусливых слов. А вот она возьмёт, и всё расскажет Валентине! По правде говоря, Юля винила и ненавидела себя за то, что по неведению сама дала ему повод... Почему тогда она совершенно не догадывалась о том, к чему склонял её Семён? К сожалению, в ту минуту она действительно была далека от этой мысли, и на детском доверии к нему обожглась...

Глава девятая

С того дня, как побывала с Семёном на рыбалке, Юля всё чаще стала думать, что люди почему-то делятся на счастливых и несчастных. Светка почти во всём благополучная, у неё есть отец и мать, она почти ни в чём не испытывает нужду. Семён ничего для дочери не жалеет, всё лучшее только ей, он пылко её любит. А она, Юля, хоть и привыкла к ним, но почему-то в их окружении испытывала себя даже одинокой. А всё потому, что она детдомовская. Побудет у сестры и опять надо бежать в детдом. В школе домашние дети как бы не считали детдомовцев за людей. Бывало, если они обижали кого-то, тогда почти все детдомовские шли на домашних приступом. Увидят они идущих гурьбой по улице детдомовцев, – домашние разбежались в разные стороны с паническим криком: «Идут детдомовские!»

Тогда на берегу реки, спрятавшись от Семёна, Юля прочувствовала до самой глубины души, что она одна-одинёшенька. Если бы у неё были родители, он бы никогда не покусился на её честь, а так как она детдомовская, с ней можно сделать всё, что угодно. Это открытие её поразило до такой степени, что она почувствовала себя донельзя несчастной и униженной своим сиротским происхождением. Ведь ей не у кого спросить: от кого она произошла на этот несчастливый для неё свет? Кто именно были её родители, где они теперь, почему отдали её в детдом? А поскольку она не знала своего прошлого, как она могла думать о будущем? Но пока она живёт настоящим, которое не приносит ей счастье, а только одни страдания! И всё же в душе теплилась надежда, что когда-то жизнь её изменится в лучшую сторону. Вот и Валентине о её прошлом ничего неизвестно, а кто знает, тот не уклоняется от ответа. Иногда Юля считала, что Валентина ей вовсе никакая не сестра, просто некогда пожалев её, назвалась сестрой. Это подозрение приходило к ней и раньше, поскольку сестра на неё ничем не похожа.

У Валентины Юля не показывалась около месяца; та уже немало забеспокоилась и собралась сама сходить в детдом, как Юля вдруг заявила, будто снег на голову! Всё-таки ей не хватало общения с сестрой, по которой порой и скучала. Но Валентина ещё не ведала о происшествии на рыбалке, что Семён покусился на её девичью честь. Правда, душевная боль девушки значительно поутихла.

– Ты что же, милая сестра, забыла к нам дорогу? – мягко укорила Валентина, как только увидела на пороге Юлю. – Почему так долго не заходила, ведь ваши все в лагерях? Или уже стала бегать на свидания?

– Нет. Ты зря так думаешь! – ответила с долей обиды.

– Ну, что тогда? – выжидательно уставилась Валентина. Юля потупила взор и тут же решительно вскинула глаза.

– Где твой Семён? – она сделала ударение на слово «твой», чем смутила сестру.

– На работе, где же ему быть? Ты зачем о нём спросила?

– Он... – у Юли забилося сильно сердце. – Ты хочешь знать правду о своём муже?

– Да, я знаю его... а тебе что он сделал? – Валентина в оцепенении взирала на Юлю. После рыбалки вроде всё обошлось хорошо. Приехали, пообедали. Она сказала, что пойдёт в детдом проведать; пришла оттуда, переночевала, опять ушла. До этого дня она больше её не видела. Семёну высказала свои сетования, он ответил, будто бы она в городе гуляла, а живёт сестрёнка в детдоме.

– Он хотел меня изнасиловать! – выдавила Юля через силу.

– Ах, какой мерзавец! Это правда? Да, с этой стороны я его хорошо знаю! – схватилась рукой за щеку, словно мгновенно разболелся зуб, покачала головой. – Ну, гад такой! – в ярости крикнула она, заходя в раздражённо по комнате.

– Только ты ему, пожалуйста, не говори, – попросила Юля.

– Как это не говори? Скажу всё! – возмутилась сестра.

– Я боюсь его, он угрожал мне, если скажу тебе!

– Тебе он ничего не сделает, потому что – трус! – убеждённо воскликнула Валентина. – И как же он на это осмелился, расскажи?

Юля вкратце передала основное, лишь утаила то, что она почти согласилась с тем, чтобы Семён покупал ей подарки, отчего ей снова стало стыдно и гадко за свой поступок.

– Вот что, милая, ты не беспокойся! – решительно сказала сестра. – Я найду способ вывести его на чистую воду. За ним такое водилось и раньше...

Однако Юля пожалела, что сгоряча проболталась сестре. Ведь самое ужасное для неё не произошло. Можно было бы всё скрыть, как-нибудь всё бы пережилось, забылось, стёрлось. Хотя с того дня прошедший месяц показал, что она ничего не забыла и не смогла смириться с нанесённой ей глубокой душевной раной. Она безмерно сожалела: почему тогда, на реке, не подумала, на что коварно рассчитывал Семён, приняв её за наивную дурочку.

– Почему ты сразу не сказала? – спросила сестра. – Такого прохвоста нечего бояться и тем более укрывать!

Три дня Валентина обдумывала, как подступиться к мужу, с чего начать. Но Семён вдруг сам опрометчиво спросил, но у него был свой прицел:

– Чего это твоей сестрёнки нет?

– А это надо у тебя спросить! – с вызовом бросила Валентина.

Семён кашлянул, наклонил голову, видно было, что намёк он понял. Вспомнил, как в последние дни жена всё присматривалась к нему. Значит, в своих предположениях не ошибся. Вот откуда исходит этот уверенный, безапелляционный тон. Надо сейчас вывернуться, а то...

– Гм, что я, справочное бюро? – шутливо обронил он, прикинувшись простачком.

– А тогда чего же ты интересуешься, переживаешь, или ещё что? В последнее время ты ходишь молчуном. На рыбалку давно не ездил. Или ждёшь Юлю, когда придёт? – спросила жена, презрительно поджимая губы.

– А что мне ждать её? Что она мне удачу пошлёт? Нет у ней твоего интереса к рыбалке. С тобой скоро поедem! – полушутливым тоном он пытался сгладить возникшие к нему подозрения. «Неужели эта турка могла его продать? Так на себя наговаривает!» И ему от этой мысли стало весело, мол, сейчас я тебя угощу кое-чем, что сразу заткнёшься, когда узнаешь правду о сестрёнке...

Валентину донельзя раздражал самоуверенный тон человека, не чувствовавшего за собой вины. И она нахмурилась.

– А у тебя какой к ней интерес? Может, расскажешь сам... как ты с ней рыбалил? – Валентина заговорила обличительным тоном, поджала в гнев губы, а он между тем подумал безбоязненно: «Теперь ясно – проболталась турка!» Семён набылчился в минутной растерянности, затем жалко, вымученно улыбнулся.

– Тебе? – он сглотнул горькую слюну, и уставился пустым взглядом, нервно задержались кустистые рыжеватые брови. Супруги находились на кухне. Валентина стояла возле газовой плиты, а он за кухонным столом допивал чай.

– А кому же, не соседу же? – она сердилась, нервные судороги пробегали по гладкому лицу. – Я тогда не сразу уразумела: думаю, почему он так рано вернулся с рыбалки? Хотя расцарапанное лицо что-то мне смутно подсказывало, но я в толк не взяла. И она молчала! Значит, о камыши, говоришь, покаябался? Ух! Звериная рожа! – Валентина инстинктивно замахнулась на него рукой.

Семён давно ждал удобного случая, как навсегда поссорить жену с сестрёнкой, чтобы таким образом избавиться от неё. И вот он представился.

– Всё узнала? Это даже лучше! Ну, так послушай, дорогая, я знаю, в свою защиту она много чего тут нагородила, дабы в твоих глазах оправдаться. Лапушка твоя боялась, что я

расскажу о ней всё... Ты думаешь, я сам... того? – Семён при этом торжественно вскинул сивую голову. – Она и подстрекнула... а кто её брал? Сама напросилась. Это тебе известно? Известно! Так в чём я тогда виноват? Вот и весь сказ. Чего тут было думать! Испорченная девка: лукавила, кокетничала! Ты бы видела, – как повидавшая мужиков баба! А ты всё с ней носишься!..

– Вот оно как, значит мои догадки совпали, поймался голубок!?

– Не я, а она, запомни! – закричал он наперекор жене.

– А вот и ошибаешься, дружок, сам всё и рассказал! – Семён в изумлении раскрыл рот, так и застыл с отвислой челюстью, и весь покраснел. – Что, поймался, голубок, как я тебя? – Валентина открыто торжествовала. – В твои годы не стыдно оговаривать невинную девочку? Тебя-то я лучше знаю. От тебя, голубок, всего ожидай... Вспомни, вспомни, милый, как со мной ты обошёлся. А, что, запомнил?

– Ты мне голову не морочь, что ты ровняешь одно с другим? Я любил и знал, что тебя, дуру, не брошу! Вот так! А с ней я не собирался... она наклеветала, чтобы с тобой нас рассорить, а ты поверила. Ведь она меня не любит. Я противен ей! Не брешь, что не говорила. Посмотрите, какая проницательная, всё насквозь видит – рентген! В тюрьму сел из-за твоей сестрёнки, да, крепко вмешалась в мою жизнь, а ты моих мытарств не видела...

– Нет, ты чего несёшь такую несуразицу?! Как она могла вмешаться в твою жизнь? – Валентина в недоумении пожала плечами.

– А так, что ты в ней души не чаяла, всё с ней носилась: сестрёнка, сестрёнка! А на меня... как на фонарь смотрела. Ну, да что теперь об этом талдычить!

– Конечно, ты сгорал от ревности и человека чуть не убил, а Юлия виновата? – она в досаде покачала головой и пожалела, что напонила ему об этом.

– Ну и зануда же ты, Валька! – крикнул он. Всё его лицо налилось ненавистью, руки задрожали, кажется, ещё секунда и он накинется на неё и задушит. Но Валентина его уже не боялась, как раньше. Может, только потому, что первые месяцы после выхода из заключения его контролировала милиция. Действительно, она тогда надеялась: теперь он навсегда научен горьким опытом. Сколько же можно проявляться его тёмной страсти? Ей серьёзно думалось, что отныне он другой, выбили из него дурь, наставили на верный путь. Но, видно, просчиталась, вон на что пошёл, опять животная похоть разыгралась, а на кого? На сироту! Звериная натура такой и останется, почти ничего человеческого.

– Ох, Сёма, Сёма, все нервы ты мои истрепал, весь седой; волос осталось с гулькинос, а ты...

– Тебе не мне мораль читать! – резко, грубо оборвал он жену.

– Да разве я не заслужила? – возмутилась Валентина. – Я тебя почти шесть лет ждала, да хорошо хоть амнистия... Да ты мне, Сёма, должен ножки целовать. Какая дура на моём месте всё это вытерпела бы? А ты мне ещё и не верил, ходил по соседям, всё выпытывал, выпрашивал, как я тут без тебя жила.

– А ни к кому я не ходил, что ты вот брешешь! – гаркнул он. – Разговор был, да не о тебе! Много тебе чести, дура!

– Чего? – Валентина в ненависти сощурила глаза. – Лучше сиди да помалкивай: люди говорили, я выдумала, что ли?

– Ты меня не сажай, хватит – отсидел свое сполна! Эх, да ну вас... ко всей фене! – он резко взмахнул рукой, стремительно, не глядя больше на жену, схватил папиросы и пошёл в туалет курить.

Глава десятая

Последние два месяца Юля находилась в состоянии озлоблённости на всех и вся. Об этом говорил весь её облик, при этом она думала: «До меня нет никому дела, все равнодушны, все заняты только исключительно собой, даже Валя. Что мне оттого, что когда-то она назвалась моей сестрой? Разве сёстры так бездушно поступают? При живой сестре я живу в детдоме, захотела бы – взяла, в таком случае она мне вовсе не сестра – натуральная самозванка, которая решила немного облегчить мою сиротскую долю!»

По мере своего взросления Юля стала стыдиться своего положения воспитанницы детдома. А всё оттого, что она видела, как живут дети в семьях, как живёт племянница Света. Но если бы даже Валентина сказала: я тебя забираю к нам, она теперь вряд ли бы согласилась. И не только из-за того, что сестра жила с Семёном, просто до выхода из детдома оставалось чуть меньше года. И хотя Валентина так и не взяла опеку над сестрой, какую-то лепту в её воспитание она внесла, и к Юле привязалась так прочно, что временами казалось, будто в её семье она жила всегда. Вот только жаль – девочка никогда не узнает материнскую ласку и тепло родительского дома...

И как тут Юле было не разозлиться чуть ли не на всех окружавших её взрослых людей, включая и сестру. Единственно, она ни разу не обижалась на Тамару Игнатьевну. Она самый лучший человек на свете! И, несмотря на это, Юля уже с нетерпением ждала тот день, когда навсегда уедет из города, где всё так ужасно ей опостылело, что хотелось новых впечатлений...

Наступила последняя осень её пребывания в детдоме, где в саду, сквере, на аллее – кругом увядала природа: скверы, бульвары в осенних красках; воздух был особенный; почти на всей улице пахло дымком зажжённых куч палых листьев. От этого было немного торжественно и грустно, так бесконечно грустно, что даже хотелось плакать!

С конца лета к Валентине опять ходила почему-то редко, и от этого сестру было жалко, а ещё оттого, что однажды выразила ей свою обиду, которой и сама не могла толком найти объяснение. А Валентина это видела.

– На что ты всё дуешься? – удивилась сестра. – Семён тебя и пальцем не тронет, только пусть попробует! Сразу полетит отсюда!

– Мне некогда ходить к тебе. Ведь посуды: учусь последний год. Впереди экзамены, надо заниматься! – оправдывалась Юля, не желая вспоминать рыбалку, скрывая от сестры все свои душевные переживания. Однако Валентина видела, что тут дело вовсе не в одной учёбе. Просто Юля вступила в переходный возраст, и поэтому понять её отнюдь нетрудно. Но Валентине это только так казалось, ведь то, что у сестры скопилось на душе, равняется всей её жизни. И скоро она это поймёт...

Так незаметно подкралась зима, впрочем, достаточно тёплая и бесснежная. Учёба занимала много времени, иногда ходила с Машей в кино; продолжала участвовать в художественной самодеятельности; а иногда всё надоедало: и учёба, и пение, подчас на людей бы не смотрела. В такое сложное для неё время, словно чувствуя это на расстоянии, к ней в детдом приходила Валентина и приглашала её в гости. Но Юля сначала отказывалась, а потом жалостью к себе переборола гордость и обещала прийти. Тем не менее, по-прежнему у сестры бывала редко или с Машей забегали всего на пятнадцать минут и даже в отсутствие Семёна обедать не оставались.

– Ты уже как взрослая ведёшь себя. Стала зазнаваться! – пожурила её Валентина. – Хотя бы Свету приучила книжки читать. Вот опять надо за ней идти к соседям. Что, там её мёдом кормят? Никогда домой вовремя не придёт.

– Вы её балуете, вот и результат, – заметила Юля, подражая педагогам.

– Я, что ли? Это отец ей много позволяет! А придёт время – локоток будет кусать...

- Ничего, и тебе достанется, – засмеялась Юлия. – Ну ладно, мы побежали в кино...
- Обедать оставайтесь или на свидание спешите? – в свой черёд поддела Валентина.
- А разве нам это возбраняется? – деланно ухмыльнулась Юлия.
- Да и рано ещё!
- Нас этому учить не нужно! Всего хорошего! – бросила Юлия.

После Нового года Валентина попросила Юлю срочно прийти к ней. Она обещала ей сказать что-то чрезвычайно важное. Как раз не будет Семёна, и они за чаем поговорят по душам. Но Юлия, словно нарочно не торопилась идти. И только во второй половине января, когда выпал вдруг глубокий снег и ударили крещенские морозы, в один из таких чудесных дней, ближе к сумеркам, Юлия зашла к сестре одна. Света была в другой комнате. Разумеется, Валентина очень обрадовалась Юле, будто не видела сестру несколько лет. Она стояла на пороге и не хотела пройти в квартиру, мол, заскочила всего на минутку. Хозяйка пригласила её в зал, посадила на диван, принесла угощение. Юлия поинтересовалась: зачем позвала, дескать, она вот шла мимо и решила заглянуть на огонёк. Не могла же она прямо сказать, что пришла специально по её просьбе. Валентина проявила такую сердечную заботу, какую давно не выказывала; она предложила снять пальто, чувствуя, как Юлия была в каком-то нервном напряжении, и вела себя с ней стеснительно и потому непривычно отчуждённо. Да, Юлия таила на неё свою давнюю обиду, но скоро между ними не будет никаких секретов. Она захотела искренне прояснить их отношения...

Валентина сидела перед журнальным столиком и с редкой чуткой душевностью рассматривала Юлю, будто хотела ещё раз удостовериться: созрела ли она для этого разговора? Юлия производила серьёзное впечатление, в её глазах только сейчас угадывались предполагаемые вопросы, которые она задавала ей в детстве. И вместе с тем она казалась даже несколько безучастной или усталой, должно быть, от тайны своего рождения, которая её мучила с отроческих лет, отчего наедине за эти годы много выстрадала. На ней было серо-синего цвета в крупную клетку обыкновенное шерстяное платье, на ногах простые чулки.

– Ты здорова? – спросила Валентина, присматриваясь к ней.

– Вполне! – пожала та плечами: в голосе, однако, прозвучали горделивые нотки. Скупой ответ говорил, что Юлия не хотела открывать сестре свою душу, пока не узнает предмета их разговора.

– Может, перезанималась? Ты какая-то вся измученная. Даже на каникулы ко мне не приходила, – слегка укоряла Валентина, испытывая какое-то стеснённое состояние, что-то ей мешало приступить к основному разговору. Она напрягла память: когда-то Юлия ей с обидой бросила: «А ты мне чужая, я догадываюсь!» Тогда Валентина не сумела её переубедить, что это не так, однако, сейчас, разливая по чашкам горячий душистый чай, она понимала, что и теперь это сделать будет непросто. Слишком глубоко в душе Юли засела обида. Может, ей надо было значительно раньше открыть тайну? Но Тамаре Игнатьевне она больше не надоедала, и все эти годы держала данное директору слово. А недавно та пригласила Валентину к себе для беседы о Юле, поскольку в последние месяцы она изменилась неузнаваемо, стала даже всем грубить, в школе снизилась успеваемость. Сначала Тамара Игнатьевна это относилась на переходный возраст, потом догадалась, что допустила промашку – надо было раньше рассказать о судьбе её родителей...

Валентина тоже поделилась своими наблюдениями над Юлей и не придавала значения тому, что преднамеренное умалчивание так пагубно повлияло на психику девушки. И вот теперь, когда она получила разрешение поговорить с Юлей относительно её родителей, Валентина опасалась, что сестра может ей не поверить. А чтобы этого не случилось, она заранее приготовила из своего семейного альбома нужные фотографии.

– Я давно хотела показать тебе несколько фоток, да всё как-то забывала, – Валентина быстро встала со стула и пошла к серванту, достала из выдвижного ящика фотографии и верну-

лась на место. – Посмотри! – и подала их Юле, которая начала рассматривать с лёгким душевным трепетом. На одной изображена довольно симпатичная молодая женщина. У неё тёмные, почти чёрные волосы, собранные на затылке в пучок, глубоко печальные большие карие глаза, прямой нос. Она была в тёмном платье, на груди на белой цепочке висел крупный медальон. На второй фотографии – примерно двух лет девочка с чёрными волосами в светлом платьице, на третьей была группа взрослых людей с детьми, среди которых Юлия узнала и женщину с первой фотографии, и Валентину, стоявшую рядом с ней. Она совсем молоденькая, снимок сделан летом, в каком-то дворе на виду деревенского дома.

Пересмотрев все фотографии несколько раз, Юлия отложила их на край столика. Одну фотку оставила с изображением женщины. Почему-то её инстинктивно влекло к ней. И по мере того, как она смотрела на женщину, чувствовала: на сердце начало теплеть оттого, что отныне открыла для себя самое дорогое. Просто так всеуе она никогда не произносила слова «мама», потому что называть им было некого. И оно звучало для неё даже как-то странно. Она не чувствовала его глубинного смысла. И только теперь, когда она смотрела на женщину, которая была на фото, Юлия впервые в жизни испытала в душе нечто приятное, чего нельзя объяснить словами. Девушка уже без слов сестры понимала, что перед ней фотография матери. К горлу подкатил комок, и она чуть не заплакала. Вопросительно взглянула на сестру, ожидая объяснения увиденного на фото.

– Ты себя хоть узнала? – начала Валентина. Юлия кивнула. – А теперь я должна рассказать... Да, это наша мать, – она задумалась, вздохнула, как перед нелёгким испытанием. Юлия смотрела влажными глазами, забыв свои недавние переживания и обиды. Она держала перед собой фотографию матери с лёгким замиранием сердца, в сладком ожидании, что сейчас для нее откроется окно в прошлое, с которого ниспадет тяжёлое покрывало, скрывавшее под спудом времени тех людей, которые дали ей жизнь.

– Итак, до войны мы жили в Каменске, – сухо начала Валентина. – У нашей с тобой матушки до твоего рождения нас было трое: я и два брата, оба старше меня. Своего отца я помню смутно, он ушёл на войну с первых дней и не вернулся. Зимой 1943 года мать получила похоронку. Как сейчас помню: мать вошла в хату с улицы с чёрным от горя лицом. В фуфайке и валенках, она упала на пол, с зажатым в кулаке извещением о гибели отца. Мы тогда уже жили в деревне у бабки по материнной линии. Время было ужасное, ещё шла война, разруха, а тут голод, болезни. Мать работала день и ночь, братья занимались разным промыслом – и законным и незаконным. Словом, тянули там, где плохо лежало. Даже раз у немцев стянули мешок муки. Когда немчуру турнули, стали сеять, пахать. Самый старший Костик, ему шёл шестнадцатый год, на mine подорвался. Меньший вскоре поступил в ремесленное училище, окончил, его направили куда-то работать, и там женился. После видела его раза два, потом умотал в Сибирь строить новый город, бабке писал письма. В то время я у неё жила, а мать перебралась в город одна, работала в шахте, жила у тётки, отцовой сестры. Там она и познакомилась с твоим отцом: работал в шахте, тогда многих заставляли восстанавливать шахты, и он приехал откуда-то с юга. Нашей матери было лет тридцать пять, молодая, красивая: это ты видишь на фотографии. Жалею, что я не уродилась в неё, а в своего отца. Отношения твоего родителя и матери мне неизвестны.

– О твоём рождении я узнала довольно поздно, когда ты была уже в детдоме. Почему? Мать почему-то тебя никому из родных не показывала. Наверно, опасалась худой молвы, а тётка, у которой она жила, только одна и знала. До бабушки доходили слухи о городской жизни матери. От меня она всё скрывала, но я тоже от кого-то услышала, и рассердилась на неё, что из-за этого мужчины она бросила меня. А ведь матушка никогда не считалась гулящей, боже упаси! О ней дурного слова никто не говорил. Мать любила отца, как сумасшедшая, ради него пошла на такие унижения, о ней заговорили люди, что из-за любви бросила своих детей. Но тётка, как говорила бабушка, защищала свою невестку, на руках которой ты и была какое-то

время после гибели твоего отца в шахте. Мать не перенесла потерю, ведь любила его безумно, и вскоре запила. Ходила по улицам, как невменяемая, искала твоего отца и плакала. Однажды сильно простудилась – началось воспаление лёгких. Дома её выхаживала тётка, а потом привезла к нам на хутор. Мать сильно исхудала, мы еле узнали её. Я днями плакала, мне было очень жалко несчастную мать! Но помочь ничем не могла. С неделю у нас она помучилась, врачи не спасли. Было уже поздно. Бабушка причитала: мол, это любовь её стубила, хотя грешно так говорить. После смерти матери мы и узнали о твоём существовании. Тётка нам сообщила, бабушка к ней поехала, и вместе определили тебя в детдом. Не знаю, почему они так поступили. А вскоре Бог их тоже прибрал.

Я нашла твою фотографию и с ней позже ходила по детдомам. В одном шахтинском детдоме мне сказали, что тебя перевели в областной центр, они смотрели странно и почему-то умолчали о твоём настоящем месте пребывания. Потом я уехала учиться, но о тебе не прекращала думать. Так я попала в этот город, вышла замуж, дочку родила. А потом во сне тебя увидела, ты за мной бежала... Я проснулась и заплакала. Семёну рассказала сон, он махнул рукой. И как-то раз шла по улице, на которой стоял детдом, и тебя увидела...

Юля тихо, неслышно плакала. Валентина замолчала, у неё тоже в глазах стояли слёзы. Ведь плач сестры вызвал у Валентины новую волну сожаления, как уже не раз бывало, что она не росла у неё не из-за одного упрямства мужа, просто не захотела лишней обузы, ибо забот хватало о своей дочери.

Теперь, когда Юле приоткрылась тайна своего рождения, когда она узнала, кем были её родители, девушка испытала острую обиду на всех тех людей, которые осуждали мать за порочную связь с человеком моложе себя. И презирала родных матери, вынудивших её скрывать своего ребёнка. Валентина больше ничего не прибавила к этой истории, а может, правда, больше ничего не знала. Отныне у Юли появилось странное ощущение, будто мать живет в ней и она думает её мыслями. Иногда ей чудился в душе голос матери: «Ты живи и люби как я, – говорил ей этот голос, – я тебя очень любила, как твоего отца, и он любил тебя». У Юли бежали по щекам слёзы: неужели действительно мать напутствовала её на жизненный путь, который выстилался перед ней полный загадок и надежд. Ведь она мечтала стать медиком, что должно скоро осуществиться...

Глава одиннадцатая

Для Юли наступила последняя детдомовская весна, переполненная разными заботами и тревогами. А так хотелось лишний разок погулять и сходить в кино. Но Юлия хорошо понимала, да и Маша тоже, что о них, конечно, позаботятся. Ведь им предстояло уехать поступать учиться. На дорогу выпускницам непременно выдадут деньги. Но для самостоятельной жизни выпускного пособия будет мало. Лучше самим подзаработать. А как это сделать? Девочки решили посоветоваться с Валентиной. Она подскажет, куда им попробовать обратиться, где их могут взять на неурочную работу. Однако Валентина выразила недоумение: ведь они несовершеннолетние, кто их возьмёт? И тут же её осенило: на почту берут разносить телеграммы даже школьников! Радостные, счастливые девочки побежали в детдом просить у Тамары Игнатьевны разрешение на работу. Директор предварительно созвонилась со служащими почтовой связи, и девочки были временно трудоустроены.

После школы бегали по городу, разносили телеграммы. Сначала было интересно и увлекательно звонить в чужие квартиры и под роспись вручать телеграммы и заказные письма. А потом стали утомляться, ведь нелегко учиться, готовить уроки и работать. Но всё равно продолжали. Как-то раз Юле посчастливилось встретить одинокую старушку. О ней она постеснялась рассказать Маше и втайне от подруги бегала помогать по дому престарелой женщине. А случилось это так. В один из дворов по соседству с детдомом Юлия принесла телеграмму. Пока хозяйка расписывалась, она увидела в коляске старушку, у которой из рук выпал носовой платок за поручень коляски. И она, перегнувшись через него, пыталась достать упавший платочек, при этом у неё дрожала рука. А тут, ко всему прочему, с носа соскользнули очки и кинулись о камушек. Юлия, недолго думая, быстро подскочила, подняла платочек и очки, в которых одно стекло высыпалось мелкими кусочками. Когда бедная старушка со слов Юли узнала об этом, она чуть было не заплакала.

– Бабушка, вы не беспокойтесь, – принялась ласково успокаивать девушка, – я схожу в оптику и вставлю. Вы мне можете доверять?

– Ой, спасибо, тебе, сударушка, сделай милость! – ответила та.

Старушка не на шутку впала в горькое отчаяние. Юлия убедительно втолковала, что сейчас же побежит вставлять стекло. Бабушка дала ей денег, и Юлия справилась с этим довольно скоро, через два часа она уже была у старушки, вернула ей сдачу. От денежной благодарности Юлия, конечно, отказалась. Тогда старушка пригласила девушку к себе в квартиру. За чаем, приготовленным помощницей, старая женщина поведала, что живёт в совершенном одиночестве вот уже более двадцати лет. А до этого бытовала с матерью, детей у неё не было, замужем была так давно, что уже не помнит когда, впрочем, муж погиб ещё в гражданскую. После смерти матери, она состарилась в одиночестве, теперь вот очень больна и стара, что за ней почти некому было присматривать, если не считать некоторых доброхотных соседок, вывозивших её на коляске на двор и ходивших по её просьбе за продуктами в магазин. Правда, иногда от школы приходили дети, помогали прибраться в квартире, сбегать в магазин, в аптеку за лекарством. И теперь она знала, что практически уже никому не нужна, только мешает жить другим. Ей осталось считать последние свои деньки.

Старушку хотели определить в дом для одиноких престарелых, но она наотрез отказалась: зачем на переезд тратить только время: доживёт уж здесь. К своей квартире она привыкла и о другой слышать не хотела. Затем старушка расспросила всё о Юле, которая тоже кратко поведала о себе. Словом, проникшись участием к старой женщине, Юлия стала навещать её в свободное от учёбы и работы время. Из-за этого иной раз пропускала в школе уроки физкультуры и труда. Она убирала в квартире, где уже всё давно не мылось и не стиралось. По старой, очень старой обстановке, Юлия поняла, что некогда Анна Алексеевна Званцева (так звали

хозяйку) жила в приличном достатке. Квартира была двухкомнатная и вся заставлена тяжёлой массивной мебелью; на стенах в дорогих рамах висели картины; на этажерке стояли потёртые на переплётах, покрытые слоем пыли, книги. Их уже давно не снимали с полок. В комнатах также было много дорогих антикварных вещей. Невольно Юля поймала себя на том, что голос её в общении со старушкой приобрёл некоторую солидность её баска. В разговоре проскальзывали даже её нотки. Ведь Анна Алексеевна говорила с хорошо поставленной дикцией, как только говорили в старые времена воспитанные дворяне, о чём Юля могла судить по фильмам о том веке. И та эпоха ей очень нравилась, казалась иногда даже сказочной.

– Анна Алексеевна, а почему бы вам в приют для одиноких не поступить? – спросила однажды Юля то, что уже не раз слышала от других, а этот вопрос всегда у неё вызывал раздражение. Но Юля этого не знала, впрочем, ей хотелось сказать той что-то приятное.

– Чего, чего говоришь, сударушка? – переспросила тугая на ухо старушка, и Юле пришлось повторить свой вопрос.

– И ты туда же, сударушка? И чего это меня все хотят лишить моей квартиры? —недовольно, почти сердито проговорила Анна Алексеевна, чмокая губами, делая через каждое слово паузу скрипящим, как протез, голосом. – Своё родовое гнездо, учтите: пока жива – я не отдам! – отрезала она, не глядя на Юлю, крепко вцепившись в подлокотник старого кресла, и, подумав, прибавила: – Только смерть возьмёт всё – ей отдам!

На время Юля представила её старой графиней из повести Пушкина «Пиковая дама», а себя – её воспитанницей. Юля заулыбалась своей игривой фантазии и принялась за уборку комнат... Анна Алексеевна питалась в основном молочными продуктами или какой-нибудь кашей, причем хлеб почти не употребляла. Юля бегала в магазин за сдобными булками, молоком, творогом, кефиром, варила манную кашу; иногда по наитию она всерьёз представляла себя внучкой этой старушки. И поэтому приходила ей помогать. Однако от Маши её исчезновения не укрылись, и она спросила несколько лукавым тоном, многозначительно глядя на Юлю:

– Куда ты бегаешь, не на свидания случайно? От меня начинаешь делать тайны, если ты не признаёшься, я тоже ничего не стану тебе рассказывать!

Маша была ростом чуть пониже Юли, довольно симпатичная светло-русая девушка и уже вовсю заглядывалась на парней и любила с ними разговаривать, тогда как Юля ещё их стеснялась, держалась от них подальше.

– Нет, представь себе, Машуня, – подобострастно ответила она. – Я никуда не бегаю, с чего ты это взяла? Ну, хожу к Вале...

– Раньше ты каждый день что-то к ней не бегала.

– А сейчас решила! Ведь скоро экзамены. Тогда будет некогда.

Этим и оправдалась перед подругой, но в душе Маша ей не поверила и однажды выследила Юлю. Хотя понимала, как нехорошо шпионить. Но стоило ей признаться Юле, что она знает причину отлучек подруги из детдома или школы, как Юля могла бы обидеться и больше не стала бы с ней дружить. Поэтому делала вид, что ей ничего неизвестно. Хотя было обидно, что Юля втайне от неё зарабатывает деньги. Между тем пожилые соседки и старушки смотрели на молоденькую опекуницу с некоторым подозрением, даже с долей враждебности и зависти, отчего встречали и провожали Юлю холодно. Когда она катала в коляске Анну Алексеевну по двору, обыкновенно женщины демонстративно усаживались на лавочке под весенним солнышком и посматривали на них.

– Слышь, моя сударушка, чего скажу, – обратилась Анна Алексеевна, слегка саркастически посмеиваясь. – Как ты стала бегать ко мне, мои добрые соседки меня более не признают!

– Почему, бабушка?

– Зови меня по имени и отчеству! Сколько я тебе не напоминаю, а ты за своё? – строго напомнила Анна Алексеевна.

– Ой, извините, я забыла! Почему, Анна Алексеевна? – резкий крик старушки Юлю всегда неприятно коробил, однако на неё она не обижалась, снося терпеливо её капризы.

– Ты, чего, сударушка, о своей бабушке мечтаешь? Ну, извини, я уже забываю всё! Так вот, они все ждут моей смерти, чтоб потом мою квартиру захватить. Но только как делить будут? А все они живут в моём доме... Но тебе, сударушка, это нельзя знать – рано! – старушка замолчала и задумчиво смежила веки, что-то пережёвывая бескровными губами, словно о чём-то усиленно вспоминала. И, должно быть, мысленно была в своей давно канувшей в Лету жизни...

Наступали дни, когда Юлия уже не могла выносить такую колоссальную нагрузку: учиться в школе, готовиться к экзаменам и разносить телеграммы. Да ещё и участвовать на репетициях художественной самодеятельности. И ухаживать за Анной Алексеевной. Однако на свою нелёгкую жизнь она ни словом никому не пожаловалась – даже сестре. Правда, единственно ей Юлия рассказала о старушке, и Валентина пыталась её отговорить от добровольного милосердия. Ведь сейчас люди бесплатно даже родным ничего не сделают. Но у Юли на этот счёт были свои соображения; она мечтала стать врачом, которому присуща, как она искренне верила, человечность, жалость и бескорыстие...

Через неделю Анна Алексеевна попросила Юлю опять подробно поведать ей свою биографию, при этом она строго предупредила, чем немало удивила Юлю:

– И чтоб у меня без вранья! – нет, злых ноток в её голосе она не уловила, а повелительный тон старушки уже Юлю не возмущал, и даже импонировал, чем-то внушал к себе уважение. В душе Юлия, конечно, изумилась: зачем ей нужна её биография? Но спросить об этом постеснялась и снова пересказала, что зимой узнала от сестры о своих родителях и как попала в детдом.

– У твоей тётки не было сердца! – заметила старушка.

– Она не тётка моя, а сестра, – уточнила Юлия.

– Нет разницы! Люди должны быть всегда людьми, – она подумала. – Ты когда, говорила, школу-то кончаешь?

– В этом году, – напомнила Юлия.

– Где останешься? – громко спросила Анна Алексеевна.

– Я, наверно, поеду учиться! – но тут Анна Алексеевна словно впала в забытьё, склонив к груди голову или о чём-то думала. Затем медленно подняла голову, которая мелко подрагивала и теперь держала её уверенно и прямо. Юлия продолжала катить коляску по выщербленному асфальту тротуара, свернула во двор, мощённый булыжником. Уже начинало темнеть. Анна Алексеевна подняла вверх руку, и Юлия, зная её команду, остановила коляску, переводя дыхание, вытерев со лба пот.

– Устала? Зайди на мою сторону, стань ко мне лицом, – чрезвычайно решительно приказала старушка. Юлия послушно строго встала перед ней, как она просила. А в это время женщины, чинно сидевшие на лавочке, с интересом смотрели на них, как на театральное зрелище. – Не смотри, голубка, на них! – Анна Алексеевна подняла повыше голову, чтобы хорошо видеть лицо девушки. У старушки был острый прямой нос, белый покатый лоб, гладко зачёсанные седые волосы прикрывала белая с полями панاما.

– Ну, сударушка, хочу знать: какую награду от меня ждёшь? – почти властно и требовательно спросила Анна Алексеевна.

– С чего вы это взяли? От вас, ей-богу, я ничего не приму! – подражая ей, Юлия ответила с удивлением и некоторым испугом на лице, который не ускользнул от старушки. – Я не жду награды!

– Хорошо! Вижу – не врешь! – изрекла строго она. – Тимуровцев я не люблю, они чересчур настойчивы... повидала разных..., – она помолчала и вдруг резко прибавила: – В нынешнее время, не хочу соврать, сие движение пришло в упадок!

– Неправда, Анна Алексеевна! – пыталась возразить Юля.

– Я знаю, что говорю! Тебя в расчёт не беру, а знавала всяких, которые нагло кланчили копеечки на конфетки. Давала. Но я не затем спрашивала твою биографию. Вот что, деточка: я решила... как окончишь школу – живи у меня. Я отпишу свою квартиру, имущество тебе. Ты это честно заслужила! Я долго думала, кому достанется после моей смерти моё наследство, сначала хотела в реквизит театра отписать, а теперь раздумала. Всё, сударушка, тебе передам!

Юлю откровение старушки так сильно ошеломило, так взволновало, что она даже растерялась. К горлу подступил комок, долго не могла справиться с волнением. Однако Анна Алексеевна просила дать ей срочный ответ. А Юля от такого неожиданно свалившегося на неё щедрого подарочка чуть ли не натурально онемела: всю квартиру, всю мебель в её пользование?! Она даже испугалась. Ничего подобного ей никто никогда не предлагал, хотя о собственном доме всегда мечтала. Тем не менее, принять наследство старушки Юля не могла, и вовсе не потому, что боялась, как бы она не заподозрила, будто только с этой целью и ходила помогать ей, и потому вздумала проверить её, хотя понимала, что Анне Алексеевне было совсем не до этого. Да и старушка по характеру была прямая, хитрить не умела. И сейчас у Юли возникло такое чувство, будто своим отказом обидит Анну Алексеевну.

– Извините, пожалуйста, Анна Алексеевна, меня учиться направляют. Я правда не могу... огромное вам спасибо, вы так добры...

– Отказываешься, сударушка, от моего богатства? – в оторопи протянула старушка. – Вот если бы такие были все! Ты честная девушка! Дай Бог тебе во всём удачи. Как мне жалко, что ты не уважишь меня, а я о такой наследнице мечтала..., – она задумчиво покачала головой, на её глазах показались слёзы. Анна Алексеевна платочком вытерла их и махнула рукой, чтобы она вкатила её в квартиру и ступала бы домой.

Хождение к старушке продолжалось. В середине мая, когда началась усиленная подготовка к экзаменам, Юля пришла попрощаться с Анной Алексеевной, которая отпустила её с миром, со скупым благословением, троекратно перекрестив. Затем попросила подойти ближе и дрожащей, слабеющей рукой подала девушке конверт. Юля с полным изумлением, не понимая, что значит это, приняла его, растерянно, немо взирая на Анну Алексеевну, объяснит ли она свой поступок.

– И вернуть не вздумай! – сердитым тоном предупредила. – А теперь, с Богом... ступай, ступай, не задерживайся! – И указала слегка приподнятой рукой девушке на дверь...

Глава двенадцатая

Отзвенел последний звонок, пробежали дни экзаменов, в школе прошёл выпускной вечер. А в детдоме он намечался чуть позже. За несколько дней до прощального вечера после обеда подруги Юля и Маша уединились в спальне, сидя каждая на своей кровати.

– Юля, тебе жалко расставаться со всеми нашими? – спросила Маша.

– Конечно, жалко, – ответила Юля. – А вообще хочется пожить одной вдали от детдома. А тебе?

– Я хочу найти мать, помнишь, как в детстве мы собрались удрать? – Маша весело засмеялась. – Давай поедem, как поступим в училище?

– Тогда мы были глупые! – заметила Юля. – Зачем тебе такая мамаша, которая тобой даже не интересуется?

– В глаза посмотреть, чтобы стыдно стало! Я думаю, в Магнитогорске есть медучилище, зачем нам переться в Омск? – сказала Маша, вспомнив, как они недавно, словно в лотерею, разыграли города, в один из которых им предстояло уехать учиться. Жребий выпал на Омск. А ведь в их городе есть медучилище, и директор детдома уже договорилась, что направит туда своих лучших учениц. Но Юля вдруг загрезилась: ей непременно надо уехать. Маша согласилась, ведь вместе мечтали о профессии медика.

– А ты боишься далеко ехать? – спросила Юля. – А я считаю: если выпал туда жребий, уже нельзя менять своё решение, – убеждённо изрекла она.

– Чего мне бояться, по пути завернём в Магнитогорск. Может это, правда, наша судьба! А Тамара Игнатьевна напишет в Омск письмо, чтобы там нас встретили.

– Это я знаю, а вот Валя, конечно, будет против. Но я давно ей говорила, что хочу исчезнуть с глаз ее долой. Семён в своё время звал её на Север, а она из-за меня не уехала. Может, там попытаю своё счастье.

С самой зимы и всю весну Юля приходила к сестре не чаще, чем навещала её до рокового дня на рыбалке. Хотя отношения между ними (не считая Семёна) намного улучшились, они стали ближе после того, как Валентина рассказала ей о родителях. Тогда ей казалось: если бы Семёна не было, она бы ушла к сестре из детдома. Точно так же думала и Валентина. Избегая разговоров с сестрой о Семёне, Юля подсчитывала дни, в какие он по графику дежурил на заводе. И тогда, без опасения столкнуться с ним, прибегала к сестре. И в один из таких дней Юля призналась Валентине, что с Машей они уедут в Омск. Сестра всплеснула руками, схватилась за голову.

– Да вы с ума сошли! – оторопев, воскликнула она. – Куда смотрит Тамара Игнатьевна? Она отпустит вас?

– Уже решено, селяви, как говорят французы! – весело бросила Юля. – Да, Тамара Игнатьевна уже в курсе...

– У меня нет слов! – возмущение Валентины было велико оттого, что Юля поступает своенравно, почти легкомысленно, решив уехать так далеко.

– За меня не волнуйся, денег у нас заработали. И ты подкинешь – скажу спасибо! – Юля проговорила это раскованно, весело, что было на неё совсем не похоже.

– Тебе бабка отдавала с обстановкой квартиру! Другие об этом только мечтают, а ты отказалась, – напомнила сестра, как Юля недели две назад похвасталась о старушке Званцевой, надумавшей отписать ей квартиру. То же самое она услышала и от Маши, назвавшей её ненормальной, не принявшей наследство старушки.

Валентина побывала у Тамары Игнатьевны, чтобы у неё самой выяснить, почему девочек отпускают одних в далёкий путь. Выслушав сестру своей воспитанницы, директор позвала Юлю. Не успев даже увидеть Валентину, Юля недовольно нахмурилась. Зачем она вмешива-

ется в её жизнь, у неё на это нет прав. Она стала при директоре упрашивать её поступать в здешнее медучилище. Тамара Игнатьевна в свой черёд поддержала Валентину, напомнив Юле, что гарантирует ей зачисление в училище. Однако Юлия упорно стояла на своём, что она давно уже мечтала пожить в чужом городе, а тут она всегда успеет устроиться. Потом Юлю отпустили. Тамара Игнатьевна решила успокоить Валентину:

– Не волнуйтесь, Валентина Петровна. Мы не оставим девочек без нашего внимания. Что же делать, коли ей так далеко захотелось поймать жар-птицу? Она никогда не выбирала для себя лёгкого пути. В лотерею разыграли города, сейчас это у них модно.

Выпускной вечер, как и все такие вечера, был одновременно торжественен и грустен. Воспитателям, привыкшим к своим питомцам, было жалко расставаться с ними. Конечно, порой они очень огорчали своими шалостями, доставляли много хлопот, но без этого в детдоме редко когда обходилось. Сами подростки были довольны тем, что их старались ограждать от серьёзных наказаний, если кому-либо причиняли серьёзный материальный ущерб за стенами детдома. За них боролись, о них заботились, так как были ранимы и уязвимы перед жизненными трудностями. Перед выходом в самостоятельную жизнь им хотелось выглядеть стойкими и мужественными, порой им нелегко было справляться со своими слабостями. Ребятам становилось грустно и немного тревожно оттого, что ожидало их впереди. Это же испытывали и Юлия с Машей. Хотя они знали, что и там, где они станут учиться или работать, для них найдётся жильё. У них будут новые наставники, и они ни за что не пропадут. А воспитатели понимали, что в такой день не может быть разделения на любимцев и нелюбимцев. Хотя такого разделения заведомо никто не делал; ко всем старались относиться доброжелательно и тепло. Никто не был обделён вниманием, все находили душевную поддержку в сложных ситуациях. Больше всех доставляли волнений «трудные подростки» и при выпуске на них смотрели с долей тревоги: как дальше сложится их судьба, как сами они поведут себя в жизни?

Валентина в числе приглашённых присутствовала на торжественном собрании: воспитанники благодарили своих воспитателей, педагогов, шефов детдома, а те в свой черёд напутствовали в жизнь на добрые дела. Потом был праздничный ужин, танцы, естественно, не обошлось и без слёз: плакали и детдомовцы, и воспитатели. Только немногие показывали, что им совсем нежально прощаться с детдомом. Однако тем воспитанникам, которым ещё предстояло здесь жить, было тяжело расставаться со старшими ребятами, к которым привыкли, как к сёстрам и братьям. Хотя уже знали, что эти разъедутся, а на их место придут ещё совсем маленькие дети, к которым надо привыкать, чтобы принять в большую свою семью.

Но для воспитателей это был естественный процесс, сопряжённый, однако, со своими трудностями изучения и привыкания. Тамара Игнатьевна на прощальных вечерах всегда хотела исключительно одного: чтобы эти воспитанники разъехались, устроились в жизни, а новеньких им бы не присылали, чтобы детдом не пополнялся детьми-сиротами, и с каждым годом их бы становилось всё меньше и меньше. И под конец совсем бы не стало. Однако она знала, что в жизни существуют причины, порождающие бытовые и социальные трагедии, после которых остаются дети сиротами. К сожалению, вряд ли когда устранят эти самые фатальные, роковые причины, ведь так устроена сама жизнь...

...С присущей ей энергией Валентина взялась помогать девушкам собраться в дорогу. Тамара Игнатьевна сделала им последние наказы, как надо вести себя в пути, просила, чтобы по прибытии обо всём написали. Девушки покидали детдом одни из первых, многие собрались проводить их на поезд. Все обещали друг другу хотя бы иногда встречаться и верили, что никто никого не забудет. Жизнь отныне разводила по разным дорогам бывших детдомовцев и, быть может, навсегда разлучала недавно живших дружной единой семьёй.

К перрону вокзала города Новостроевска подошёл поезд «Сочи—Москва», на котором скоро уедут Юлия и Маша. С ними стали прощаться провожающие: тут были и Валентина, и Света, и Тамара Игнатьевна, и друзья. Быстрые объятия, поцелуи, слёзы. А Юлия и Маша улы-

бались сквозь слёзы, проводница торопила девушек занять свои места в вагоне. И скоро поезд плавно тронулся, и перрон с провожающими пошёл назад, а потом мелькнул за поворотом и пропал. Девушки уезжали в новую жизнь в середине жаркого июля. Они пребывали в приподнятом настроении, несмотря на то, что впереди их ждала дальняя дорога, полная неизвестности, и она манила их с неменьшей силой, чем в детстве...

Глава тринадцатая

До Москвы на скором поезде сутки езды. Дорожные впечатления радовали, удивляли, восхищали новизной чувств и мыслей. За окном плацкартного вагона сначала тянулись степи, хутора, станицы, потом города, реки, озёра, а вдали поля и луга. Картины стремительно менялись: огромное расстояние осталось позади и еще большее ожидало впереди; ощущение этого беспредельного пространства поражало воображение: какая чарующая, богатая природа! На остановках девушки выходили из вагона, чтобы ступить на землю, где они никогда не бывали. Потом потянулись сплошные леса, изредка перемежавшиеся деревнями и сёлами, и опять мелькали поля. Смена картин за окном продолжала будоражить сознание. Однако где-то в середине пути девушки поняли, что стали немного привыкать к быстрой перемене впечатлений, и вели себя уже спокойней, как бывалые пассажиры. Ведь их спутники совершенно ни на что не реагировали. Это были зрелые люди, видно, супруги с малолетним ребёнком.

Ближе к столице девушки ощутили радостно-тревожное ожидание; их восприятие вновь обострилось, и они не отходили от окна или стояли в тамбуре и смотрели, как наступил вечер. Но было ещё светло. В это время дома уже темно, а потом, как только стусились сумерки, наступила непроглядная ночь; лишь где-то мелькали отдельные огоньки. Надо было укладываться спать, как это делали все пассажиры. Проводница разносила постельные принадлежности – комплект по рублю...

В Москве на Казанском вокзале Юля и Маша, как учила их Валентина, сдали свои вещи в камеру хранения и сели в экскурсионный автобус, отправляющийся прямо с вокзала. Побывали в лучших местах столицы: возле университета Ломоносова, Останкинской телебашни, Выставки достижений народного хозяйства, на Красной площади, совершили экскурсию по Кремлю. Хотели посетить мавзолей Ленина, но очередь туда была огромная, на что надо было потратить несколько часов. А потом они отстали от своей группы и стали болтаться сами: зашли в ГУМ, где у них перехватывало дух от обилия самых лучших товаров. Потом спустились в метро, где наменяли пятак, сели в электропоезд и через каждые две остановки выходили из метро, полюбоваться окрестностями столицы – и снова в метропоезд. Так катались до тех пор, пока не проголодались. Купили десяток пирожков, бутылку лимонада и сели в скверике перекусить...

Поезд в Омск отходил поздно ночью. Девушки за день изрядно притомились, к тому же встали рано: боялись – проспят встречу со столицей. И вот уже наступила вторая их ночь вдали от родного города. Им начало казаться, что уже не были дома целую вечность, и стало немного грустно. На Казанском вокзале не смолкал шум, без конца по радио громко объявляли отправление поездов. Девушки чутко прислушивались, чтобы не прозевать свой экспресс Москва—Омск. И только через два часа, полусонные, порядком умаявшись, они услышали название своего поезда и с вещами побежали по подземному переходу на свой перрон, который они нашли ещё задолго до отправления поезда.

И снова за окном вагона побежали назад столичные кварталы, высотные дома, и вскоре поезд вырвался из душного городского пейзажа. Ночью кроме огней ничего не видать, а утром подъезжали к Пензе, потом была Самара, Уфа, это уже шли вторые сутки их пути, а ещё ехать очень долго. Омск казался на краю земли, иногда поезд шёл по густому лесу, где не было ни одного населённого пункта, даже где-то вдали мелькали зелёные горные вершины, блестели водоёмы, широкие реки – поезд проносился через огромные каркасы мостов. Это уже приближался Челябинск, окутанный клубами дыма, отчего город был почти не виден, на окраинах дымили какие-то огромные башни, как-то конусно подымавшиеся к небу, заволоченному серой мглой. А потом опять заблестели в лучах утреннего солнца водоёмы, замелькали леса, в которых росли могучие сосны, ели, лиственницы; открывались безлесные пространства, и снова

тянулась бесконечная тайга, потом горные вершины, поросшие лесом. Были видны и глубокие впадины, из которых поднимались протухшие серые испарения, отчего невозможно было дышать. Потом был город Курган, город Петропавловск, а дальше уже пошли небольшие станции.

Миновала третья ночь в дороге. Маша пожалела, что Магнитогорск оказался совсем в другой стороне. Чтобы туда попасть, надо было пересаживаться в Уфе. Это она узнала от проводницы. И у неё опустились руки. Юлия успокаивала подругу. Вот как только они поступят в училище, тогда можно и поехать на поиски её матери...

Наконец Омск предстал перед девушками крупным промышленным центром. Это был старинный город. В последние годы он разросся новыми микрорайонами, как и все другие города страны. В большом городе с развитым общественным транспортом не сразу освоишься. Им приходилось долго осматриваться. Они проехали в общей сложности не одну тысячу километров через треть страны. Девушки заметили: Москва многомиллионный город, но в ней легче сориентироваться, чем в Омске, где населения значительно меньше столичного. Им приходилось без конца расспрашивать дорогу к медицинскому училищу. В сибирском городе также палило солнце и было жарко, погода почти ничем не отличалась от московской или южной. Девушки прибыли как раз под вечер и думали, что здесь их встретит прохладное сибирское лето. И даже приготовили тёплые вязаные кофты, подаренные им в детдоме. Но не успели вступить на перрон омского вокзала, как почувствовали южное тепло, чем остались очень довольны. Они поняли, что почти все вокзалы мало чем отличаются друг от друга, разве только конфигурацией зданий и архитектурой. Вокзал – это как бы фасад любого города, по стилю которого можно судить о его культуре и зодчестве...

К училищу они ехали на троллейбусе. Однако вскоре их ждало страшное разочарование, так как приём в медицинское училище закончился два дня назад. В приёмной комиссии опечаленные девушки спросили, получили ли они письмо, написанное директором детдома. На это пожилая женщина ответила, что такое письмо им ещё не приходило. В голосе женщины девушки почувствовали безразличие к их дальнейшей судьбе. Она занималась перебором папок с личными делами будущих абитуриентов и больше не смотрела на девушек. Такое равнодушие обидело Юлию, и она чуть не заплакала.

Подруги вышли из здания училища с тяжёлыми чемоданами – со всеми их вещами. Они устроились в сквере, солнце уже светило косыми лучами.

– Может, Тамара Игнатьевна забыла отправить письмо или оно ещё не дошло? Лучше бы нам в руки отдала! – посетовала Юлия.

– Наверное, она ещё не написала, – предположила грустно Маша.

– Я так не думаю. Разве она так бы беспечно поступила? Я слыхала, как она Вале говорила, что написала..., – и Юлия заплакала. В отличие от подруги Маша приняла первый удар судьбы довольно стоически и, как могла, успокаивала подругу почти как маленькую девочку, у которой отняли любимую игрушку. И впрямь, для неё это был самый неожиданный удар. Ведь как она надеялась осуществить свою мечту. И вот тебе, пожалуйста: приехали из такого далека, сколько на дорогу денег истратили... И всё напрасно? Маша попросила Юлию посидеть в сквере, а сама опять пошла в училище. Как она ни пыталась объяснить женщине-чиновнице, откуда они приехали и кто они такие, это нисколько ту не тронуло. Она лишь сказала:

– Приедете на будущий год! – и больше не смотрела на Машу. Она хлопнула дверью и ушла.

– Если бы на день раньше приехали, а ты ещё к матери хотела завернуть! – возмутилась Юлия, когда немного пришла в себя после душевного потрясения.

– Ну да, я виновата! На Москву билетов долго не было, ты забыла? – в ответ вспыхнула Маша.

– Я не виню тебя! Ты лучше подскажи, что теперь делать?

– Поедем домой, и там точно поступим! – предложила Маша. – А я провожу тебя на поезд, и всё-таки к матери смотаюсь...

– Будто ты нужна ей!

– Я всё равно должна её увидеть, хочу разобраться: почему она меня бросила?

– А ты будто не знаешь, что бросают детей только пьющие и гулящие!

– Я найду её и врежу! – девушка сжала кулачки, стукнув ими себя по коленям, устремив взор вдаль сквера, будто там и была её непутёвая мамаша.

– Мне стыдно ехать домой, приём документов везде уже закончился, – грустно сказала Юля.

– Со мной поехали? – предложила Маша.

– Тебе легко сказать, что, у меня мешок денег? – Юля боялась остаться одна в незнакомом городе, но всё равно ехать с Машей не хотела. Предчувствуя разлуку с подругой, Юля прижалась к ней. – Я не хочу терять напрасно год! – Юля в отчаянии, от беспомощности, заплакала.

– Ты ничего не потеряешь – устройся на работу в местную больницу! – воскликнула Маша, осенившись догадкой.

– В больницу без образования, кто меня возьмёт? – Юля отстранилась от подруги.

– Санитаркой берут и без образования, а потом легко поступишь!

– Какая ты умная, а я и не догадалась! – улыбаясь сквозь слёзы, сказала Юля.

И они пошли на поиски больницы; спрашивали дорогу у прохожих, ехали троллейбусом, шли пешком. На перекрёстке улиц обратили внимание на массивную тумбу, на которой было много объявлений и афиш. Прочитали: проводится приём в речное училище юношей и девушек на специальности судовых мотористов, поваров: обучение два года. Девушки мгновенно забыли, что искали, и решили попытать там счастье, на что Машу подбивала Юля. Работать на судне поваром – это романтика! А затем поступит в медицинское училище. Но Маша отказалась.

– Ты как хочешь! Я поступлю на повара! Природа, река, красота! – весело воскликнула Юля, сверкая голубыми глазами.

– В медучилище тогда ты уже не поступишь! И будешь всю жизнь потом жалеть. Ведь ты бредила – стану медиком! Меня заразила... – изумлённо говорила Маша.

– Ничего, стану и врачом! Наша Тамара Игнатьевна с музыкальным образованием, закончила пединститут, хороший учитель по географии...

– Дело хозяйское!

Теперь подруги пошли искать речное училище. На это ушёл час. Училище размещалось в большом красивом здании. Фронтон парадного входа подпирали полуколонны, верхняя часть украшена лепкой. Под самой крышей из гипса изваяна эмблема или герб речного флота. В классах и кабинетах было светло и чисто. Обстановка вроде бы незнакомая, однако Юле казалось, что всё это она уже где-то видела раньше. Девушки с интересом рассматривали в витринах макеты судов, кораблей в целом виде и разрезе: якоря, мачты, рулевые управления, навигационные приборы. Мимо девушек прошагали несколько человек в форме речников.

В канцелярии, куда Юля вошла робко, у неё спросили: откуда она родом, кто её родители? Она сначала растерялась, ведь хотела утаить правду, что она вовсе не детдомовская. Ей казалось, что в речное училище принимают только домашних. Ведь ни один детдомовец, почему-то ей думалось, не изъявил желание учиться на моряка. И к тому же у неё не было разрешения директора для поступления в это училище. Хотя по дороге сюда подруги поспорили, что это не имеет никакого значения, лишь бы сами захотели здесь учиться. Маше не удалось переубедить подругу, что она думает наивно.

– Мой отец шахтёр, а мама повар! – отчеканила Юля, как давно решенное, и немного покраснела.

– И ты решила тоже стать поваром? – спросил молодой мужчина с приятной наружностью.

– Да, – не совсем уверенно ответила Юлия. А сама подумала: «Почему им повара нужны, а врачи нет?» Она даже хотела спросить это, но побоялась, что мужчина смекнет, будто нарочно проговорила о своей мечте.

– Очень похвально! – одобрил он. – Итак, поясняя: у нас общежитие только для юношей. А для девушек снимаем комнаты. За полцены...

Юле дали несколько адресов квартир и записку от администрации училища, гарантирующей половинную долю оплаты за жильё.

– Юлька, ты спятила: почему скрыла, что росла в детдоме, кто будет за тебя платить за жильё? Они принимают без разбора всех, а ты затвердила: одних домашних, одних домашних! – передразнила Маша, как только вышли на улицу.

– Думаешь, им нужна правда? Неужели они будут оплачивать за жильё? Держи карман шире: никто не пожалеет бедную сиротку!

– Ты рассуждаешь, как пессимистка, да войдут в твоё положение, и училище возьмёт всю оплату на себя. Рано или поздно они всё равно узнают. В твоих документах там всё сказано. – Маша хотела пойти назад.

– Не нужно, не иди! Прошу, – остановила за руку подругу.

– Тогда напиши Вале, она поможет.

– Ты Семёна не знаешь. Он копейкой удавится, но мне не даст! Я буду подрабатывать, как-нибудь выкручусь...

В этот же день Маша Савина уезжала на Урал. Перед отходом поезда, подруги долго прощались, целуя друг друга, и обе плакали.

– Пиши, обязательно пиши! – кричала Юлия и, бежала рядом с поездом.

– И ты тоже! – долетало до неё из окна вагона.

Какое-то время Юлия неподвижно стояла на пустом перроне и смотрела, как удалялся поезд. Вот и скрылся последний вагон, потонул в серой дымке. Вокруг сразу стало пусто, одиноко. Теперь одна, совсем одна! Вдруг стало жутко и страшно: одна в такой необъятной дали? От вокзала пошла пешком с тяжёлым чемоданом. Возле привокзального сквера села в троллейбус и проехала остановку училища. Водитель остановил по её просьбе – она вышла.

Юлия пришла в училище. Никто не видел, как девушка с чемоданом вошла в какой-то пустой класс: на дверях таблички не было. Полы и стены свежевыкрашены, всюду пахло свежей краской. Этот запах для неё был всегда родной. Когда они приезжали из пионерлагеря в детдом, всё было покрашено, отремонтировано, их кругом встречали чистота и блеск. И вот этот запах краски вызвал у Юли необъяснимую тоску. Девушка сидела в классе за ученическим столом в самом углу, представив на миг, что она находится в детдоме. Вот сейчас откроется дверь, и она увидит кого-нибудь из детдомовцев. И тоска неожиданно усилилась. Ведь она понимала: всё детдомовское ушло от неё навсегда; всё стало безвозвратным, и нечего больше жалеть о прошлом.

Юлия притомилась сидеть в одиночестве, хотелось убежать туда, домой в Новостроевск, увидеть Валу, которая теперь казалась самым близким человеком. Зачем она не послушала ни её, ни Тамару Игнатьевну? Уехала так далеко: расстояние представлялось таким неохватным, таким огромным. И родной город, и родная улица остались только в памяти. Она даже и мысленно, с помощью воображения не могла до него добраться – так далеко он теперь, будто его на свете больше не существует, словно в космос умчался.

И впрямь, в пустом классе сидеть было уже невыносимо, будто кому-то назло обрекла себя на такое подневольное мучение. Она не знала, что ей дальше делать. Вот и вечер наступает, который ничего хорошего ей не сулит. Хотелось одного: плакать и плакать. А вечер всё приближался, приближался. Хотя бы с кем поговорить. И тогда Юлия с радостью ухватилась

за возможность написать сейчас же Валентине письмо. Она достала из чемодана чистую тетрадь, вырвала листок, взяла ручку, заправленную чернилами, и стала думать: с чего начать? И тут вспомнила, что в своей жизни писем почти не писала. Когда была в пионерлагере, иногда под настроение писала сестре. Поэтому растерялась: с чего начать, как доехала, как опоздала в медучилище, или то, что она сейчас испытывает страшное одиночество? Она снова вспомнила, как сестра рьяно отговаривала её не ехать в такую даль. И теперь, если она напишет о том, что тут ей плохо, сестра заставит вернуться. Или сама приедет за ней. В таком случае лучше не жаловаться, просто написать: «Здравствуй сестра Валя! Пишу тебе из Омска. У нас тут погода хорошая, доехала я чудесно, в училище, правда, не поступила. С Машей мы опоздали, зато нас приняли в речное, а Маша уехала на поиски своей мамы. Я живу на квартире, за жильё училище оплачивает, чем я очень довольна...»

В одном платице Юле стало прохладно. Она надела вязаную кофту. Свернула крупно исписанный листок в карман кофты. Купит конверт и тогда отправит письмо сестре. До начала занятий ещё очень далеко. Юлия не знала, как ей устроиться на новом месте, где жить? И вдруг вспомнила про адреса квартир: почему не пошла искать? А где же записка, выданная ей в канцелярии? Проверила карманы кофты – нету! И тут припомнила, что тогда держала книгу, между ее страниц лежали документы, которые сдала в училище. И записку положила в книгу, которую нашла в чемодане: перелистала всю – нет записки. Куда она могла деться, неужели у Маши осталась? Точно, вспомнила, подруга её все вертела в руках, перечитывала адреса, хотела, чтобы она, Юлия, сначала сняла квартиру. И тогда душа будет спокойна, она поедет своей дорогой. Но Юлия воспротивилась, у нее разыгралась гордость, что она сама в состоянии найти дорогу. Завтра ей выдадут новый адрес, а где будет брать деньги на оплату квартиры? Может, снова устроиться на почту разносить телеграммы? Пожалуй, в её положении это был единственный выход. Конечно, от бабушки ей перепало двести рублей. Валентина сделала на её имя вклад в сберкассу, и теперь она может попросить, чтобы эти деньги она ей переслала переводом, и они пойдут на уплату за жильё. И она опять готова ухаживать за больной и одинокой бабушкой, как это делала дома. А где же ей ночевать сегодня, не на вокзале же?

А уже неотвратимо наступал вечер, класс всё больше погружался в сумерки. Но в окнах ещё держались последние краски заката и отражались на полу, на стенах, которые с каждой секундой тускнели, угасали, темнели, словно некто прикручивал, убавлял их накал. Чем становилось темней, тем росла тоска, заполняя всё её существо. Юлия почувствовала, что уже сильно проголодалась. Она достала из чемодана хлеб, варёные яйца, пирожки и бутылку лимонада. Почти весь день есть не хотелось, а всё это купленное утром на вокзале так и осталось нетронутым. Хотя в поезде они позавтракали бутербродами и куриным окороком: все это они купили лоточницы, ходившей с продуктами по вагонам.

Глава четырнадцатая

Маша теперь, должно быть, очень далеко от Омска, везёт её поезд к «родителям», а она, Юля в пустом тёмном классе ест пирожки, вареные яйца и запивает лимонадом. За окном стало совсем непроницаемо черно, как страшно одной сидеть в классе. Не сдержалась, заплакала, опустила голову на стол и не знала, что ей делать, куда ночевать податься? Слёзы текли по щекам, как дождь по стеклу. Вот за дверью класса послышались чьи-то невнятные голоса, вот они стали ближе и громче. Юля невольно притихла, затаилась в неведомом страхе: мелко-мелко подрагивали плечи. Она скрестила на груди руки и сильно сдавила ладонями в предплечьях, чтобы унять противную дрожь, потом одной рукой быстро стала вытирать слёзы.

За дверью заговорили ещё громче, но о чём там шла речь и кто бы это был, разобрать было невозможно. В следующую секунду, когда Юля хотела найти выпавшую из волос шпильку, она нечаянно задела рукой бутылку, которая предательски опрокинулась, создав сильный грохот: со стола на пол полился недопитый лимонад. Юля вся обмерла от того, как от гулко упавшей бутылки раскатисто вздрогнули стены класса. Перед глазами у неё всё пошатнулось, замельтешило, завращалось чёрными кругами. Сердце бешено забилося, вот-вот выскочит. В этот момент вдруг настежь раскрылись двери. Из коридора в класс сразу ударил пучок электрического света. На пороге тотчас выросли две высокие фигуры подростков. Один был чуть пониже, а тот, кто был повыше, поднял к выключателю на стене руку. Выключатель щёлкнул, а Юле показалось, будто выстрелили из пистолета. Под высоким потолком разом вспыхнуло огромное количество люминесцентных ламп, нещадно ослепивших девушку, вырвав из темноты белые стены и голубые панели.

– Кто тут прячется? – послышался юношеский басок с важными нотками. Привыкнув к свету, Юля увидела перед собой двух парней. Она взирала на них с инстинктивной осторожностью. Парни чувствовали своё превосходство и рассматривали её с мальчишеским озорством. Тот, что был повыше, даже с удовольствием удивленно присвистнул и несколько озадаченно почесал затылок. Затем спросил, почему в такое время она прячется в классе или ей негде переночевать? Юля коротко объяснила, что приехала только сегодня. Поступила в училище, а квартиру найти не успела. Подростки сказали, что они дежурные по училищу. Одного звали Сашей, второго – Андреем. Теперь Юля успокоилась и без страха взирала на парней. Им явно хотелось понравиться ей, красовались, как записные кавалеры. Вскоре парни решили отлучиться, обещав вернуться. Юле стало сразу скучно. Они вернулись довольно быстро. Притащили матрас, подушку, одеяло, две простыни и даже полотенце. Всё бельё было свежим и чистым.

– Спи, утром мы всё унесём назад, а потом что-нибудь для тебя придумаем, – пояснил высокий Саня.

– Ты только будь осторожней, – заговорил Андрей. – У нас тут тётя Паша – вахтёрша строгая. Она заступит завтра утром. А пока отдыхай спокойно, наша общага рядом, больше сюда никто не сунется.

Как выяснилось, ребята были тоже издалека, они с радостью вырвались из деревни в большой город вкусить вольной жизни без родительской опеки. Для разнообразия досуга согласились дежурить в училище. Всё это Юля узнала утром, когда парни пришли за постелью. В общежитии стояло много свободных комнат, но там были вахтёрши и девушку ни за что бы не впустили. Потому Юля жила в классе. А днём они вместе проводили время в городе. Они водили её в речной порт, в котором стояли разные суда, где будут когда-то проходить практику. От причала отходили теплоходы и старенькие пароходы, которых осталось уже не так много. Вид огромной реки завораживал воображение, покорял своей красотой. Юля теперь

забыла все недавние переживания, она больше не жалела, что так неожиданно повернулись обстоятельства.

Во время прогулки по старому городу, Юлия спросила у ребят, можно ли здесь временно устроиться на почту разносить телеграммы. Парни в этом деле оказались несведущими. Тогда решили сходить вместе на почту и разузнать. Там им ответили, что на временную работу пока никто не требуется. Юлия заметно приуныла. Ребята стали её успокаивать, они что-нибудь придумают.

– Я думаю, лучше обратиться за советом к тётке Паше, – посоветовал Саня. – Хотя она и строгая, а в душе сердечная женщина.

– Так я не хочу. Напрашиваться самой? – возразила Юлия.

– Зачем ты думаешь о работе? Напиши – родичи пришлют перевод.

– Хорошо тебе так рассуждать, когда за спиной есть родители! – ответила она.

– Разве у тебя нет никого? – удивлённо спросил Саня. Юлия в душе пожалела, что открыла свою тайну и нахмурилась.

– Да, у меня нет, я детдомовская! – Юлия покраснела, дерзко вскинула голову, видя, как они значительно между собой переглянулись.

– Так это даже лучше! – воскликнул Саня. – Ты хоть сказала начальству?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.